

СЛОВЕНСКОЕ ПОЛЕ 2017

СТИХИ

Псков 2017

РЕДКОЛЛЕГИЯ:
Вита Пшеничная
Игорь Исаевъ
Андрей Бениаминов

Оформление Андрея Бениаминова

«Словенское поле – 2017» : стихи – Псков, 2017. – 152 с.

Поэтический сборник «Словенское поле – 2017» включает в себя избранные произведения участников одноимённого фестиваля, прошедшего 28–30 июля 2017 года в Изборске и Пскове.

В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

При реализации социального проекта используются средства областного бюджета, выделенные в виде субсидии Администрацией Псковской области.

Всякое коммерческое использование текстов сборника – полностью или частично – возможно исключительно с разрешения авторов. Нарушения преследуются в соответствии с законодательством и международными договорами РФ.

ISBN 000-0-00000-000-0

- © Авторы произведений
- © А. Бениаминов, составление, оформление
- © Псковское региональное отделение Союза писателей России

ВСПОМИНАЯ "СЛОВЕСКОЕ ПОЛЕ - 2017"

"Фестиваль "Словенское поле", пожалуй, один из самых знаковых и хорошо организованных литературных форумов. Поэты из многих регионов благодарили организаторов и сожалели, что на их малой родине нет такого вдохновляющего и объединяющего мероприятия, где каждый слышит и каждый услышан..."

Мария Парамонова (Смоленск-Тверь)

"Организаторы взялись за очень сложную тему. Патриотизм сегодня изгажен, опошлен официозом массовой культуры. Организаторы фестиваля "Словенское поле" возвращают слову "патриотизм" его изначальное значение. Они говорят о самом главном, о Родине, говорят без высоких фраз, без патетики, без глупого пересказа. Вот почему это можно назвать великим делом..."

Василий Рысенков (г. Торжок)

"Невероятно интересно, что "Словенское поле", изначально заявленное, как фестиваль исторической поэзии, легко развернулось в фестиваль современной поэзии о памятных событиях в судьбах страны, Псковщины, в собственных судьбах. Во многих стихах нашли отклик размышления о связи прошлого с настоящим, о противоречивых событиях сегодняшнего дня, путях в будущее. Фестиваль исторической поэзии обнажил простую истину - история России пишется сегодня..."

Галина Шербова (г. Москва)

"Для меня фестиваль "Словенское поле» за три года стал именно таким местом, в которое хочется возвращаться, появились хорошие знакомые, среди которых есть и талантливые авторы, и просто хорошие люди, с которыми приятно увидеться, поэтому я желаю фестивалю долголетия и надеюсь, что мы ещё встретимся!..."

Зинаида Варлыгина (г. Воронеж)

"В любом случае, на «Словенском поле» нужно бывать. Как на Пушкинский праздник нужно ездить к Пушкину, так и на "Словенском поле" можно почерпнуть истинной современной поэзии..."

Андрей Канавщиков (г. Великие Луки)

НАКАНУНЕ

За сизые овсяные поля
Полуденное солнце уплывало,
Росла за огородом конопля,
И слово «травка» смех не вызывало...

И бархатные волны тишины
Дробились о бревенчатые стены.
Солдаты Первой мировой войны –
Лишь пацаны, сгребающие сено.

Не вывернута в грязь изнанка сна,
Не вырыты бездонные окопы,
Но рождена стальная новизна
Гремящими заводами Европы...

И едут с сенокоса на возу
Парнишки, с золотистыми чубами,
И рубят на учениях лозу
Кентавры Дона, Терека, Кубани...

И улетаёт солнечная пыль,
Как дань погибшим и рождённым странам,
Сюда, в другую боль, в другую боль,
Ко всем родства не помнящим Иванам!

1917 (2 МАРТА ПО СТАРОМУ СТИЛЮ)

День был серый и ветреный, опустошённый,
Мутный, словно захватан руками.
Невысокий, усталый и отрешённый
Император прощался с войсками.

Было тихо, как будто на панихиде.
Паровоз на пути маячил.
Было странно и страшно стоять и видеть,
Как в бессилии сильные плачут.

Над окопами ветер. Снежные плети.
А глаза у людей – вечерние.

Только где-то тепло и спасительно светят
Окна дома в далёкой губернии.

Глянуть в окна, и вместе с метелью – мимо,
Зачерпнув надежды немного.
Пусть любые дороги неисповедимы,
Как полёт облаков над логом.

Стаю галок пугнув паровозным вздохом,
Пыхнув паром по голым прутьям,
Царский поезд в туман увозил эпоху,
Распахнув розовые распутья.

1920

Когда выздоравливает больной,
И Бог говорит: «Возвращайся!»,
Разверзнется небо над тишиной
Как высшая мера счастья.

Но всех беглецов не вместят дома,
Не вывезут пароходы...
А с флангов навалятся тиф и тьма,
А с севера – конница и зима
Двадцатого страшного года.

Сырую подушку в бреду грызи!
Над ужасом – голос нежный...
Мой друг, в грабежах и кровавой грязи
Краснеет и белоснежный.

Степного заката текучий мёд,
В нём плавают конный и пеший.
Пусть пуля безлюдное сердце займёт.
Все гордые головы пулемёт
В прощальном бою причешет.

.....
Тропинка к Босфору – луна по волнам...
Допей этот берег серый.
Изгнание – высшая мера нам.
И родина – высшая мера...

1991

Был распахнутый рассвет – за спиной.
Серый пригород. Да где это, где же?
Грязный ветер над погибшей страной
Нам казался и манящим и свежим.

Закипали пеной толп города.
Мы гадали, что готовишь, судьба, ты.
Нас, наивных, волновали тогда
Даже митинги и теледебаты.

Там, за нищими вокзалами, за
Автострадами, за чадом бензина,
Нам глядела неизбежность в глаза
Только окнами пустых магазинов.

Мы любили и осеннюю тьму,
И промозглые февральские дали;
И смеялись, неизвестно чему,
И, неведомо чего, ожидали.

Помню мутных дней и запах, и вкус:
Смесь угара, и надежды, и грусти.
Поздней осенью распался Союз,
А в лесу родились жёлтые грузди.

НИКТО НЕ ЗАБЫТ?..

Вечный солдат преклонил колени.
В поле берёзы шумят прибоем.
Скоро исчезнут названья селений,
Взятых тогда, в сорок первом, с боем.
Взятых, чтоб снова запахло мятой
На перекопанных огородах,
Чтобы форсировал трактор закаты
Где-то на синих небесных бродах,
Чтобы полями гармонь плутала
И в сельсовете окно светилось –

Небо, безбрежное, как усталость,
Их на заре в декабре приютило.
Стали деревни лесными снами,
Рухнувший дом обжила крушина.
За тишину, за страну, за память
Горькая юность металл крушила.
Дремлет солдат, тишине внимая;
Солнечный день довоенный снится...
А на могиле Девятого мая
Праздничный митинг откроют птицы.

* * *

В самой гиблой деревне мы купим в сельпо ананас...
Косо смотрит разруха в осенние лужи стальные.
Если б всё это видели, верно бы прокляли нас
И колхозники, и крепостные.

И за то, что в округе осталось скота - два кота,
и за то, что туманам так мягко дремать по бурьянам...
Мы живём до беды, без звезды, без мечты, без креста.
И нестрашно лишь глупым да пьяным.

В наших пыльных сараях под хламом лежит старина.
Никому не нужна эта песенка ветхой телеги.
Здесь не пухнут от голода, пухнут от скуки и сна.
Бедный странник, забудь о ночлеге!

Жизнь течёт мимо нас, как по трубам, обочиной - газ.
Лишь забытое поле грозит: «-Я такое рожу им!...»
Пожилой алкоголик на закуску возьмёт ананас,
И какой-нибудь час проживёт настоящим буржуем...

* * *

Девяносто восемь - до Цхинвала -
Указатель точно предсказал.
Из всего ночного арсенала -
Россыпь звезд да горный перевал.

От Владикавказа до границы
Посреди хребтов - извилист путь
БМП и танков вереницы -
К той земле, что, не успев уснуть,

Будет обездолена тревогой.
Жаром льнет чужая сторона,
Призывая слабым на подмогу.
Русь спешит. На том сотворена.

Сквозь закат спускается прохладой
Лунный свет в ложбину у ручья.
В складах гор застыли камнепады,
Чуя боль. Когда была б ничья,

То и не бывало б разговоров.
Но теперь не время поминать –
Шорох. Передёрнули затворы.
Мы не начинали воевать!

Что ж ты, сатана, в своё обличье
Обрядил колхидовый народ?
Над его природою мужичьей
Чтобы посмеялся Геродот?

Это завтра я попал в засаду,
На Лиахве приняв смертный бой.
А сегодня - дух Кавказа сладок.
Этой ночью я, ещё живой,

На броне - воочию. Светало.
Повод зрел в удушье тишины.
Девяносто восемь - до Цхинвала.
Меньше получаса - до войны...

САМОВАРЫ СТАЛИНА

Юго-западный ветер гуляет по Ладогe,
В забытии предрассветном лежат острова.

...Ему снились опять очертания радуги,
Хоть со светом он стены увидит едва.

Валаам. Дивный край стал последним пристанищем
Неживых, но немертвых - «позоров страны»,
Изжитых к юбилею товарища Сталина
Из культурных столиц самоваров войны,

Что когда-то вскипали враждой благородною,
Что бросались под танки и шли на таран.
Ставших кодлой вчера, к торжеству непригодною.
Он сказал: «Нету тела - не будет и ран».

Монастырской судьбой от мирян отделённые,
Безфальшивую сырость вдыхают. В ответ -
Желтизна простыней да ведро закопчённое,
Да корзины, в которых выносят на свет.

Это их оконечности под Сталинградами
Полегли каменистостью в той мостовой,
По которой Победа шагала с наградами
На груди, оставшейся в битве живой.

Это их подо Ржевом контузило, вспомните:
Хоть «ни дна, ни покрышки», ни шагу назад.
А теперь по какой-то предательской скромности
Им кидают пятак, опуская глаза.

Они гибли не раз. Но зачем же ты, Господи,
Снова в тыл доставляешь их души в таких
Безобразных телах, под колодку обтёсанных?

- Чтобы память опомнилась в нравах людских.

...Будь неладен пиджак, под здорового скроенный,
И подшипник скрипит, починить не успел.
А в бессмертном полку расступаются воины, чтобы он
на тележке проехать сумел.

Юго-западный ветер гуляет по Ладогe...

* * *

усадьбе в Старых Липах

У Михайлова Погоста - ни дороги, ни креста.
Хромотой ломает кости двести первая верста.
То ль деревня, то ль поместье, то ли кадры из кино,
Словно памятник бесчестья, совершенного давно,

Остов встал среди просторов первозданной красоты.
На столетия приговоров мне б спросить:
- Жива ли ты,
Русь болезная? Доколе
Вкус истории горчит?
На сомненья - Божья воля. Я молчу. И Бог молчит.

...Здесь, под Псковом величавым,
в Старых Липах, от щедрот,
Отставной слуга державы – барин - жил. Из-за ворот
Расходились благотворью в Псковский край его дела.
У прудов цвело надворье,
В люботе. И Русь цвела.

Брянчаниновых порода от Донского привела .
Сын отца, наследник рода, продолжал его дела
По устройству сей усадьбы, возведя Луну и Свет .
Новый мир тянулся падью милосердию в ответ.

Смутой явь стирала лица, век дворян остался "до".
В Старых Липах – психбольница обустроена давно.
Сквозь приметы безучастья храм едва ли различим.
Особняк при новой власти разнесён на кирпичи...

Смотрит башенно-серьёзно из глазницы на погост
Быль, утратой одиозной распрямляясь в полный рост.
Пусть же вера ляжет сенью в блеске новеньких крестов,
Чтобы жить нам без смятений, горя, войн и катастроф.

Станет край мой, как Россия, вновь величием объят.
- Господи, даруй нам силы, - прошепчу.
И слышу: "Свят..."

НА ДРЕВНЕМ ПОГОСТЕ

Не к часовенке убогой
Над уснувшею рекой –
А тропиночкой пологой
К тихой страннице мирской.

Покрошить кусочек хлеба
На порожке смоляном,
Одолжить краюшку неба
В житном воздухе хмельном.

Потолкаться, поютиться
У сомлевшего окна...
Вам какая доля снится?
Мне все видится одна:

Будто к страннице я в гости
Шла на тихий свет зари,
Здесь лежали на погосте
Русские богатыри.

Было то не поле брани
В чужедальной стороне,
Наши Степы, Марьи, Вани,
Встав за землю – спят в земле.

И во времени разбиты,
В расстоянье сведены -
Мокнут каменные плиты,
Держат землю валуны.

И, склонясь по самы травы,
Так сказала, не солгу:
«Чтоб тебя, моя Держава,
Так держало на миру»!

И прикрыла я рукою
Камень, стертый до бела...
Ведь и я была травкою
Что на тех камнях росла.

ЗАБЫТАЯ УСАДЬБА

Вдруг на поляне средь чащи лесной
Дом опустевший возник пред тобой.
Окон пустые глазницы глядят,
Ветви раскинул заброшенный сад.
Медная ручка с зелёным кольцом,
Дверь над заросшим травой крыльцом.
Сбоку, на задние лапы присев,
Дверь стережёт обезглавленный лев.
Хаос. Повсюду разбросанный хлам.
В гуще орешника брошенный храм.
Крест покосился. Купол пробит.
В треснутый колокол ветер звонит.
Кто же хозяин заброшенных мест?
Рядом у храма мраморный крест.
Стёртую надпись с трудом прочитал,
Спит под крестом боевой генерал.
Родине честно и долго служил,
Вместе с Суворовым брал Измаил.
Аустерлиц и Альпийский поход,
Ну, и, конечно, двенадцатый год.
Ранен в последнем бою тяжело,
Вышел в отставку, уехал в село.
Жизни в покое недолог был срок,
И на Успенье прибрал его Бог.
Мир тебе, воин, и вечный покой
В старой усадьбе средь чащи лесной!
Стены растащит мужик на дрова,
Каждый сегодня – Иван без родства...
Старые надписи годы сотрут,
Кто ты без прошлого – пыль на ветру.
Будем сей крест мы до гроба нести,
Боже, беспамятство наше прости!

РУССКОЕ ПОЛЕ

Там вдали дымят костры
Рати чужеземной.
Гривы долу опустив,
Кони сладко дремлют.
Лишь слегка звенят уздой,
Сбившись в тесном круге.
Вот и отблеск зоревой
Блещет на кольчуге.
Капли падают с раkit,
Как слеза пролиты.
Нынче многим предстоит
В сече быть убитым.
Не по нам ли та заря
Светлой каплей плачет?
В вышине орлы парят:
Может быть, к удаче?
Солнце скрыто тучей стрел:
День то или вечер?
А ковыль степной темнел
От кровавой сечи
Словно осени листва,
Павши с веток клёнов,
На траву легли щиты
Витязей сраженных.
Им не целовать невест,
Не отведасть хлеба.
Меч булатный, словно крест,
Рукоятью – в небо.
К небу тянутся кресты,
Подвиг сей венчая.
Будешь жить во веки ты:
Русь моя святая!

ДЕРЖАВА

Открытости сильных учусь на земле
от Мсты до Эвксинского Понта —
той самой земле, где на псковском столе
я вижу литовца Довмонта;

где стольный Владимир по праву родства
с князьями аланской земли
их барса на щит помещает сперва,
потом — заменяет фигуру льва,
а барса во Псков отряжает Москва
по долгу верховной столицы;

где зоркая птица о двух головах,
наследье царевны ромейской,
гнездится на невских сырых островах,
грозя акватории свейской;

где чуть обрусевшая немка — одна
стоит у штурвала державы,
чей киль никогда не касается дна,
а скрытые скрепы не ржавы;

где в нежных объятьях лесных волостей
под благовест каменных звонниц
становится русским до мозга костей
и швед, и француз, и чухонец.

АЛЕКСАНДР ЯРОСЛАВОВИЧ НЕВСКИЙ И ЕГО БРАТ АНДРЕЙ НА ПУТИ В ОРДУ

Разве князь, отправляясь дорогой отца
далеко за родные погосты,
не велел дегтярям припасти для писца
золотой новгородской берёсты?

Иль кожевник не принял у княжеских слуг
драгоценный заказ на пергамент?
Или писарю-дьяку слагать недосуг
свой словесный славянский орнамент?

Пусть опишет, как в стане татарском звучат
то псалом, то буддийская мантра,
как степная тоска, будто масляный чад,
омрачает лицо Александра.

«Брате княже Андрее, где край у Орды?
Вот уж тысячи вёрст за плечами,
и повсюду начертаны знаки беды:
не пером и не кистью — мечами.

И не ими ли мечена светлая Русь?
И спасу ли отцовскую землю,
коль не ханам — гордыне своей покорюсь
и напрасную гибель приемлю?

Мы с тобою крестили чудскою водой
крыжаков, битых мной под Копорьем.
Только сравнивать рыцарский Орден с Ордой —
это сравнивать озеро с морем.

Будто море Великая степь на пути.
Но подвижница Русь терпелива.
По воде, яко посуху, сможет пройти.
Надо только дожидаться отлива.

Не княженья ищю у царя степняков,
но отечеству — места под солнцем.
Под которым Изборск, и Копорье, и Псков
не достанутся хищным тевтонцам...

ЛЕГЕНДА ОБ ИСКАНДЕРЕ, КНЯЗЕ УРУСОВ

I

От засек Залесья до застав Сарая
добрых две недели конного пути.
Это если ехать, устали не зная,
и коней подменных в поводу вести.

Устали не знает старший Ярославич;
в думах князя — участь русских городов:
сборщиков налогов выдворили давечь
Суздаль и Владимир, Углич и Ростов.

Бесермен побитых жалко Берке-хану:
«Искандер, теперь ты у меня в долгу,
но в Орду урусов угонять не стану,
коль отбить сможешь натиск Хулагу».

На холмах персидских новую державу
создали от сопок отчих вдалеке
внуки Чингисхана. По какому праву
Хулагу добычу отнял у Берке?

II

Зимняя дорога — шёлковая лента.
Над протокой — мостик, над болотом — гать.
От застав Сарая до ворот Дербента
добрую неделю коннице скакать.

С малою дружиной, да велик отвагой,
взять ордынцу крепость пособил урус;
и с остатком войска, точно тать с ватагой,
Хулагу вернулся в родовой улус.

Нет, не завершилась миром эта ссора,
но полки в Залесье не верстал Сарай.
От сиротской доли, страха и разора
старший Ярославич спас отцовский край.

По дороге к дому слёг от ратных тягот
и скончался, приняв схиму, в Городце.
...Русские и после за Дербент полягут —
драгоценный камень в царственном венце!

ПОЛОВЧАНКА

В конце X века внук Ярослава Мудрого – Олег Святославич, первый из русских князей, заключил династический брак с половцами, взяв в жёны дочь половецкого хана Осолука. Имени девушки источники не сохранили.

Пряный запах травы в половецких степях.
Бесконечный простор, но тяжёлый булат.
Бесконечное горе и плач в теремах –
Не сносил головы в этой битве мой брат.

Гордой девы глаза – словно звёзды в ночи.
Половецкого князя любимая дочь.
Неподвластная разуму злая кручина,
Ни поддаться нельзя, ни вытравить прочь.

Это воля отца, это предков закон.
Битва мести святая – на поганых идти.
И дружину собираю в единый заслон,
Чтоб стоять до конца. И пощады не жди!

Горький запах травы во сожжённых степях,
Старый половец сломлен. Ликуй, Святославич!
Не прольём больше крови, изживём вечный страх,
Закрепим на любви, чтоб по-новому править.

И у ласковой девицы солнечный лик,
В княжий терем вошла молодою женой.
Предрассветная мгла, догорает ночник,
И в высокой светлице запах пряно-степной.

ЗАХАБ

Захаб—от «охабень» (рукав). Пространство между крепостными стенами, ловушка для неприятеля, коридор между внешними воротами крепости и внутренними.

В кольце, который месяц кряду.
Всё тяжелей сносить осаду,
Всё на пределе, на нуле.
Но рано матушке-земле
Нас упокоить безвозвратно.
Когда оваян славой ратной,
Когда теснится вражья рать,
Нам просто рано умирать.

И если враг в ворота хлынет,
То есть одно спасенье ныне,
Забыв про лук, про острый меч –
Врагов воротами отсечь,
Обрушив сверху, время выждав,
Кипящий вар и град булыжный.
Пускай отряд наш мал и слаб,
Но есть у крепости захаб.

Есть Солнце даже в чёрном небе.
Куда идти – укажет жребий
Под стрел бесовский перепляс,
Когда глядит с хоругви Спас,
Когда всей ясностью традиций
Взлетает вар горячей птицей.
Несдавшийся – ещё не раб.
Враги запомнят наш захаб.

Когда раскроются ворота,
Когда вбежит вовнутрь пехота
И всадники ворвутся в бой,
Не обольщайтесь простотой.
Теснятся камни, как дружины,
Ряды редки, но сердце живо.
И пусть идёт за ратью рать –
Ты не спеши нас отпевать.

МАТУШКА-РУСЬ

Споры ведя до зелёной икоты,
Себя распалая обилием благ,
Янки твердят, что они патриоты
И на трусах демонстрируют флаг.

Немцы с агиткою про «über alles»,
Сосиски едят, запивая пивком,
Выправкой прусской своей восторгаясь,
Помня про Канта и Маркса притом.

Со снисхождением на прочие страны
Французы глядят, не скрывая причин,
Нежно любуясь на лик Марианны
Под шелест свободный своих гильотин.

Много народов у Бога в фаворе,
Кто за войну, ну, а кто-то за труд...
Но среди разных земных территорий
Матушкой только Россию зовут.

Звучат восхваленья дежурно, красиво,
Народы гордятся за их имена.
Но Матушка в мире есть только Россия,
Только Россия на свете одна.

ВЛАДИМИР КРЕСТИТЕЛЬ

Благословенный в добрый час –
Русь окрестивший князь Владимир!
Наш русский мир в веках не вымер,
Не похоронят веру в нас.

Равноапостольный святой,
Не громовержец и не идол, –
Их он возвёл и опрокинул
И смысл Славутича волной.

Нам от него не только крест,
Но и небесный облик храма,
И благовонье фимиама,
И благовест для святых мест.

И золотые купола:
Чтобы глядели Богу в очи,
И не давали бесам прочить
Нам недостойные дела.

Нам в крылья лёгкое перо,
Водой днепровскою омытым.
Для всех народов мы открыты,
Нам исповедовать добро.

Нас без грехов и без прикрас
В тысячелетнюю обитель
Ввёл обновлёнными Креститель,
Благословляя в добрый час!

* * *

Я есмь язык славяно-русский, –
Вновь насылают град и гром,
В крови запёкшиеся сгустки
Есть в каждом корне смысловом.

Равноапостольные братья
Меня кириллицей своей
Не зря крестили от зачатья
На вечность свято-славных дней.

Всей жизнью самоутверждаясь,
Сквозь мир и войны пронесён,
С врагами яркими сражаясь,
Никем я не был побеждён.

И ни свои, ни иноземцы,
Ни иноверцы всех мастей
Не поразят прицельно в сердце,
Не припасут мне пропастей.

Течёт ручей мой вечной речью,
На всю вселенную звеня,
Сквозь все майдановые вече,
Сквозь все запреты на меня.

Течёт Славутичем и Волгой
К морям, и гнёт свой гибкий стан,
Течёт–вливается под Богом
В один единый Океан.

Под чьей эгидой, чьи бы гидры
Взять ни пытались на излом, –
Пожалуй, все перед Аидом
Предстанут, жалкие, с узлом.

Для них диагноз по-латыни
Поставят – и прощай навек!..
А мне – в полыни ли, в кручине –
Свой соколиный править верх.

В зенит взорлили, прямо к солнцу
Меня и Пушкин, и Толстой.
Едва ли мне оттуда к донцу
Низринуть – слиться с пустотой.

Я есмь язык славяно-русский,
Всем именам благодаря
Я в восхожденье, не на спуске,
Я воскресая – как заря!

ОДИГИТРИИ

Ты водила полки, Одигитрия,
Божья мать с младенцем Христом,
И враждебно лукавое, хитрое
Отступало пред светлым челом.

Ты вела, над младенцем склонённая,
На врагов не казнить, не карать, –
Усмирять молчаливо иконою,
Милосердием зло усмирять.

И крестами, и обелисками
Крестный путь твой отмечен в стране.
Ты водила полки бородинские
На Отечественной войне.

И вела ты на земли смоленские –
Как великая крестная мать –
Под соборные своды Успенские
Свято-славную русскую рать.

Наше войско с тобой, Одигитрия,
Обращало в победы беду,
Обрекло Бонапарта и Гитлера!
Но склоняла ты к братству вражду.

Всё, что пало у зла под эгидою, –
На людском ли? – на Божьем суду.
Ты водила полки, Одигитрия,
Вновь покличешь, я тоже пойду!

ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ ИЮНЯ

Он уходил в сорок первый июнь,
В древние сумерки города Юрьева.
Господи Боже, я Тебе отдаю его,
За победу его отдаю.

Нет. Не Ярославна. Не плачу, молчу,
В скатку туго скрутила душу мою.
Не полечу по Дунаю кукушкой
И в Каяле рукав не смочу.

Так надо. Он не вернётся в тысяча девятьсот сорок пятом,
Он уйдёт в тишину безымянных могил.
Господи, отпустить его помоги,
Ты же видишь душу мою заплатанную, я не могу...
не могу его оплакивать.

В сорок пятом салют рассыпется искрами
в вечную славу его.

А сейчас двадцать второе июня,
и он улыбается мне, живой,
такой юный, немного простуженный,
И я никогда уже не стану его женой, не суждено.

Но, Господи, я верю искренне:
издревле первыми Ты призываешь избранных,
Только дай ещё раз взглянуть на него издали,
Буди, Господи, с нами милостив.

Нет, не дойти никогда. Далеко.
Но как хочется повидать его, смелого, гордого,
Победителя моего, Георгия,
Воина со старинных икон.

Господи, не суди его строго,
Если нет ему места среди Твоих ангелов,
Перепиши жизнь его набело,
Каждую строку до последнего срока.

Двадцать второе июня.
Он не вернётся из боя,
А меня не запишут даже его вдовою,
И всё же его отдаю я.

В ИЮНЕ СОРОК ПЕРВОГО

К закату день. Июньский день обычный.
Брожу, напрасно вглядываясь в лица...
Вернулся ты в свой город пограничный,
И стало пусто в Северной столице.

Ты приезжал всего на две недели.
Ах, как они мгновенно пролетели!
Промчались, промелькнули будто птицы.
Мы даже не смогли наговориться.

Дарило нам прогулки белоночье.
Манила огоньками танцплощадка.
Там белый танец нам судьбу пророчил,
И сердце в вальсе замирало сладко.

Была Нева от солнышка рябою.
...Зачем же мы повздорили с тобою? ...
В немом укоре дрогнули ресницы.
Мы так и не успели помириться.

Ты звал меня «певунья» и «шалунья».
Нам детвора кричала: «Тили-тесто!»
Сегодня – двадцать первое июня,
А завтра я возьму билет до Бреста.

Тоскует сердце, не находит места!
Я завтра же возьму билет до Бреста.
Скорей бы над землёй вставала зорька.
Нам больше никогда не будет горько.

Никогда... Никогда... Никогда...

ПРОПАВШИЙ БЕЗ ВЕСТИ

Старая дворянская усадьба,
Под могучим дубом коновязь.
На другое утро после свадьбы
На войну ушёл красавец князь.

А жена глядела на дорогу
И в глухом отчаянье ночей
Уберечь его молила Бога.
Колыхалось пламя двух свечей.

Но пришла из полкового штаба
Весть, тревожной горечи полна.
Голосили на подворье бабы!
Не рыдала лишь одна она.

Ни слезинки. Губы крепко сжаты,
На большак устала глаза:
«Он живой! Прогонит супостата...»
И опять молитвы, образа.

Замкнутая стала, как улитка.
Мирный год прошёл. И два. И семь.
Многие топтались у калитки,
Но она отказывала всем.

Барыня стареет. Дом ветшает.
Источило время коновязь.
Свахам дверь никто не отворяет.
Две свечи горят:
«Вернётся князь!»

* * *

Над Черноморским побережьем
Сияньем озарён восток,
Восходит солнце в славе прежней
И на зубах скрипит песок.

Под пеплом древности - селенья
Безлюдный сторожат залив,
От пережитого волненья
Глаза усталые прикрыв.

Прошли и годы, и народы.
Так много пало стран и стен,
Пока сюда сносили воды
И Танаис, и Борисфен.

Пока накатывали войны,
Пока гасили здесь умы
В злотворных испареньях поймы
Бельматые глаза чумы.

Мир - золотой орех - расколот.
Но кто-то все же смог в пути -
Не наковальню и не молот, -
Частицу света обрести.

СТАРАЯ БАШНЯ

Река забвенья сносит сети,
Лишает воли и ума.
Там, где тепло, всё тонет в Лете,
Ну, а у нас стоит Зима.
Она засыплет створ у башни,
В которую когда-то мы
Искать ходили день вчерашний,
Пугаясь призраков и тьмы.
Под сводами металось эхо,
Там пятый век шёл смертный бой,
И сверху сыпались в прореху
Потоки крупки ледяной,
Колючие, как струйки крови,
Давно замёрзшей в облаках.

Скрипели доски ветхой кровли
И сковывал животный страх,
Гнетущий, застарелый, вязкий,
Застраивший здесь с тех самых пор,
Когда в кровавой свистопляске
Сёк ляхов боевой топор.
Пространство начало сужаться.
И чтоб не согнуть, не пропасть,
Нам оставалось – целоваться,
Впервые в жизни, пылко, всласть.
С испугу - не по зову плоти –
В тот вечер испытали мы
Мощнейшее оружие против
И страха смерти, и зимы.

* * *

Клочковатая таволга в росах наволгла,
Стонет иволга, прячась от всадницы странной,
Скачет лесом дремучим премудрая Ольга,
Справа ангел летит, слева – бес окаянный.
Шторки ночи усеяны звёздным отточьем,
Кто-то пишет историю пёрышком грачьим.
«Отомсти!» - бес талдычит своё и хохочет,
Светлый ангел «Прости!» шепчет Ольге и плачет.
Силы тьмы оглашают окрестности воем,
Бьются бес нечестивый и ангел крылатый,
И в крови нашей святость граничит с разбоем,
Между западом мы и востоком распяты.
Киев пал, как когда-то пал Константинополь,
Тьма окутала город, накрыла святыни.
Чахнет дерево жизни - надломленный тополь,
С приднепровских полей тянет гарью, полынью.
Бес внушает: «Прощение есть попущенье»,
Но за правым плечом ангел многоочитый
Говорит: «Не губи свою душу отмщеньем!»,
И летит на восток Ольга с огненной свитой.

В ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Не призраки, не прах земной, а люди
Меж нами здесь, на пяточке земли, –
Те, что под грохот бешеных орудий
Вдруг тишину навеки обрели.

Их имена не все на обелиске.
Всяк неизвестный воин, имярек,
Жизнь отдавая, знал – Победа близко!
...Набухло небо, наклонилось низко
И на траву роняет майский снег.

Представлю я – для вас оркестры грянут
Из гроз весенних дружных, и тогда
Все войны вдруг возьмут – нет, не тайм-аут –
Возьмут и прекратятся. Навсегда!

* * *

Что снилось на войне вам, шурави,
Когда вы отдыхали после боя?
Быть может, снилось небо голубое,
Летающие под солнцем журавли?

Когда в горах спокоен был рассвет,
О ком душа болела нестерпимо?
О матери, о детях, о любимой?..
«Ну почему так долго писем нет?!»

Не нам гадать...
Простите, шурави.
Забиться, снов не видя, лучше было...
...Затихли залпы, и броня остыла,
Земля – тепла в запёкшейся крови...

Ну а сегодня дома, в тишине
Ваш мирный сон видением расколот:
Вы снова под Кабулом, на войне.
И рядом друг. Он жив. И вечно молод.

УТОЛИ МОЯ ПЕЧАЛИ

Утоли моя печали, Спас-Нередица.
Спас-Нередица, печали утоли.
Пусть в лугах мне заливных сегодня встретится
Заревое облако Любви.

Мяжкой лаской обоймёт, как в сказке,
И далёко поплывёт, светясь.
Выйдет вдруг на берег речки Спасовки
Из веков далёких статный князь.

...Где-то ходят грозовые тучи,
И металл калится добела.
Но не меч в руках его могучих –
Колокольцев синих купола.

И светла печаль его высокая,
И спокойно ясное чело.
Для своей княжны голубоокой
Он не пожалеет ничего.

Пусть идёт, Любовью осиянная –
Чтоб ни ворогов, ни воронов окрест!
Пусть парит над нею постоянно
Благодатью православный крест!

Утоли моя печали, Спас-Нередица,
Спас-Нередица, печали утоли.
Пусть над Русью православной вечно светится
Заревое облако Любви!

* * *

Я России моей - мгновение,
Очень русское, очень малое,
Но текут, словно воды талые,
По страницам стихотворения.

В них воспеты луга и тропочки,
Деревеньки и небо с птицами,
Где с утра золотыми спицами
Солнце вяжет для рощиц кофточки.

Будь искусником я талантливым,
Рисовал бы с утра до вечера
Храмов профили безупречные
И над ними - небесных ангелов.

Тем, кто вечно о ближних молится
И тому, кто за веру ратует,
Сотворил бы икону в радуге
С ликом плачущей Богородицы.

Слишком многое мы утратили,
Клинья бед вышибаем клиньями,
Оттого б заструились ливнями
Слёзы Божьей Пречистой Матери.

А закаты писал бы с горестью,
Как польмя времён антихристов,
Что царили в стране расхристанной
И следили за каждой совестью.

Мы за прошлое не квиваемся,
Всех готовы прощать и далее,
Были чадами православия,
Православными и останемся.

Жили мы и живём в терпении,
Крест великий несём без усталости,
Потому что мы души русские
И России своей мгновения.

ФРОНТОВИК

Моему отцу Ишкову В.М.

Ты из тех, в ком лютая война
Взрывами на душах расписалась
И, на все изранив времена,
Породила мщение и ярость.

Ярость за рыдания матерей,
За стаканы с хлебом у иконок,
За приходы вместо сыновей
Извещений в виде похоронок.

Мстили за седых детей и вдов,
За калек и братские могилы,
За руины сёл и городов
И тротилом вспаханные нивы.

Ты из тех, кто всё сказал врагам
Надписью в их логове осколком
В русском духе с бранью пополам:
«Этот день запомните надолго!...»

У войны обугленный пейзаж,
Дикий нрав и крайняя бездушность,
У Победы был парадный марш
И была трагическая сущность.

Сколь уж раз удары голенищ
Травы и цветы претерпевали,
Сколь уж раз из чёрных пепелищ
Матушку-Россию возрождали!

Скорбь и героизм сороковых
Остаются притчей во языцех,
Но из тысяч выживших - в живых
Значатся сегодня единицы.

Ты из тех, кто выполнил свой долг,
Выдюжил премоножество событий,
А вчера ушёл в Бессмертный Полк,
Отставной Отечества воитель.

ТРУВОР

В глуши сухих изборских гор
лежит отчаянный Трувор.
Но кто он был?.. И был ли вообще?..
И где его отныне кости?..

А может кости ни его?
Но это, право, ни-чего.
Друг Рюрика, а, может, брат,
но вечной тайною богат,
быть может, шёл сюда с дружиной
сражаться луком и дубиной,
чтоб пашен русских не отдать,
литовцев отгоняя рать?..

Был он с женой?.. А, может, с сыном,
на скакуне пришёл картинном?..
А может, крепость основал
и век в ней тихо доживал?

Не это важно... Важен крест,
что взмахом крыльев до небес,
что над могилою его.
Не важно больше ни-чего.

И спит народ под тем крестом
всю ночь на кладбище пустом.
Играет музыка в тиши,
а в тех могилах ни-души.

А души все ушли в овраг.
Они под бременем атак
всех войн, прошедших сквозь него
уже не видят ни-чего.

И снова воины в бою!..
И я над пламенем стою,
что разгорается в ночи.
а в той часовне ни-свечи.

А в той часовне у креста
стена алтарная пуста.

И слышится с полей и гор:

«Здесь спит Трувор!..
Здесь спит Трувор...»

Ладони к камню прислоню,
и растворяется усталость.
Покорность славе и огню -
вот все, что от него осталось.

Я ЗНАЮ МАЛО ЧТО О ТОЙ ВОЙНЕ

Я знаю мало что о той войне.
Вернее - много, только все не это...
Как шли ночами роты по стране,
как было много радости и света
от чувств обычных - от привычных чувств,
которым я пока еще учусь.

Как все рвались в Смоленск,.. в Москву,.. в Берлин,
как обожали, плакали, любили...
И важностью казался день один,
и радостью - уснуть в своей могиле.

Теперь и нас приметила война,
пускай она пока еще не с нами;
но слишком гулкой стала тишина,
и желтый свет над сонными домами
старинных улиц,
кажется чужим,
чужими - лица сумрачных прохожих.
Что стало с миром?.. Что случилось с ним?..
Все думаем... И все понять не можем!..

Сокрылась серой тучкою в лесах,
воровкой в почерневшей подворотне;
война - она у всех теперь в сердцах
и в будний час, и в светлый час
субботний.

И нет над миром больше тишины:
она - лишь призрак, только изумленье.
И я за то, чтоб не было войны,
молилась в церкви в это воскресенье.

* * *

Пыльные стены комнат вокруг щелей,
Люди сошли под землю, с ума и в мат.
Крутит баранку жизни военкомат,
Хлеб возложи на рюмку – возьмишь целей.
Спиртом сердечным ангелов не криви,
В нём твой земной могильник, источник бед.
Брат на горе (полковник и крововед)
Чертит тебе отличия на крови.
Слово стекает правдами, слово-желчь.
Пахнет былой семейностью из-под щей.
Пуля – набор косметики от прыщей,
К свадьбе поможет выдавить и прижечь.
Пуля - ярлык на царство и виза в ад,
Вырвет из веры верность за полчаса.
Брат разделяет землю на свет и за,
Он в поцелуях создан, в любви зачат.
Верен горе и небу, в молитвах - чёрт,
Может быть ветром, снегом, началом дней,
Нет никого под солнцем тебе родней,
Ты это знаешь точно, как то, что мёртв...

НАСТЯ

Газета «Красная звезда», страница восемь:
На двадцать танков – пистолет и десять ружей.
Сегодня Настя снова чёрта ждёт на ужин,
Бюстгальтер с летнего плеча сползает в осень.
Знобит, коробится внутри, дождит слезливо,
Нашла от прошлого ключи, взглянув под коврик.
Жених - безусый лейтенант, не подполковник.
Сменить коньяк с Алиготе на спирт и пиво,
Гулять от взгляда до любви, и душу – в ключья,
Сегодня тело – шоколад, кипеть в экстазе.
Пускай заблудший старый лес поёт Настасье,
И чёрный город, приобняв, целует сочно.
Пускай державные кресты гудят молитвой,
Горячей кровью над свечой густеет пламя.
Судьба поджала куцый хвост, объевшись днями.
Так что наивно распыляться, друг мой ситный.

В беде всеильны, как всегда, одни лишь черти,
В беде глухие небеса помочь не смогут.
Всё, что просила, расцвело полночным смогом,
Не достучаться до небес мне бабьим сердцем.
Там наверху жируют, пьют, гуляют, спят ли?
Для них одиннадцать ребят – пустая строчка...
Нет больше в тексте запятых, поставим точку.
Всё, что зовётся пустотой, живёт навряд ли.
Почто, скажи ты мне, живых людей - под танки?
Любых богов мой подполковник стоил дюжин!

Сегодня Настя снова чёрта ждёт на ужин,
А к ней опять, в который раз, приходит ангел.

* * *

Стоптаные башмаки Антонио Амеди
На скамейке под вишней в белом огне надежды
На дальний путь. Остывшие улицы, улицы позади,
За городом горизонт, всё такой же, как прежде -
Обломок былой мечты, разложенный вдоль пути
Ковриком у кровати. Бедный коморник чувства,
Мой старый друг, выживший из ума, Антонио Амеди,
Кончается твой полёт старческим балагурством.

Цыганка была права, читая твою ладонь
В рюмочной на вокзале. «Ровно двенадцать судеб
Длиною в жизнь. Забытое прошлое выплеснут на огонь
Четыре весенних дня. Смерти тебе не будет».
Впервые с тобой семья. Смеёшься ты, Арлекин,
Жертвенно угасая. Богу нужна причина,
Земле зерно. Облетает вишня на чистые башмаки,
Идущего на войну, последнего моего сына...

ЩЕПОТЬ СОЛИ

Я был рождён во времена,
Когда закончилась война
Победою!
О них шпана
Теперь кричит как о суровых,
Где правил злобный вурдалак.
Не знаю: врут иль было так —
Я помню гордость, а не страх,
И хлеб,
Бесплатный хлеб в столовых.

Уроки кончены, и вот
Туда, где свой, родной народ,
Серёжка в очередь встаёт,
А мы, пока он достоится —
За стол!
И солюшки щепоть
Посыплешь щедро на ломоть:
Как радуются дух и плоть —
Ах, видели б вы наши лица!..

В краю пятнадцати столиц
Таких сегодня нету лиц!
Не зря рекламный русский фриц
Мне предлагает всё и сразу:
Лишь только бы молчал я впредь
О гордости победной, —
Ведь
Я — хлеб, какому не черстветь,
Я — соль та, равная алмазу!..

РЕКА ВОРОНКА

Собиралось вороньё
Лютых орд
Над берегами —
Солнце застилось твоё,
Полонённое врагами.

Выпивали всю до дна,
На Москву идя войною.
Стала мутной,
Вороною
Родниковая волна...

Но потом, храня Москву,
Били тульские пищали —
Русским рекам
Возвращали
Чистоту и синеву.

И, уставшие в бою,
Утомившись от погони,
Пили витязи и кони
Воду сладкую твою.

И яснополянских роц
Мудрый ворон–прорицатель,
Им сказал:
«Грядёт писатель! —
В дух облечь России мощь...».

СОЛДАТАМ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ

Пока атаки нет психической.
В окопах кормит вшей страна.
Звалась потом империалистической,
Та – достославная война.

Сражаться с немцами – не внове,
Злость размывала берега.
Но русский честным был в основе,
А честь солдату дорога.

Не уступать ни пяди нашей,
Щербатой, глинистой земли.
Ведь он, солдат, сегодня пашет,
А завтра точит штык вдали.

За всё ответил перед Богом,
Не только словом – головой.
В Бессмертный Полк – одна дорога
Солдатам первой мировой.

Кто знал, что Родина отринет
Тех безымянных постовых...
Но час придёт, эпоха минет,
И мы, потомки, вспомним их.

* * *

Мировоззрений – два,
И мира – два.
Меж ними –
Океан противоречий.
Того гляди
И свалятся на плечи
Не только лишь
Обидные слова.

Дойдёт до драки...
Господи спаси,
Не допусти нас, грешников,
До распри.

Ведь человек, по сути –
Только Мастер.
Так повелось от века
На Руси.

Ему бы строить
Церкви и дома,
Класть изразцы
На вычурные печи,
Чтоб Троицкий
Был виден издалече,
Чтоб пышноруды
Были терема.

Но не всегда бывает
Тишь да гладь.
В семье одной
И то злодей найдётся.
Ему предать
Сородичей неймётся,
Таким добра
И малого - не нять.

А нам бы выстоять
У бездны на краю,
А нам бы вымолить
У Господа удачи...
Не изводить себя
В ненужном плаче,
А чутко слышать
Родину свою.

СЛЕПНЁВО*

*«...Так случилось: заточенье
Стало родиной второю...»
Анна Ахматова, 1915 г., Слепнёво.*

Скрипнет в полночь половица –
Настежь двери!.. Никого.
Только – дЕвица в темнице...
Стынет сердце...
Нет Его.

Спит в своей кроватке Лёва,
Локон светится у лба...
Ох, постылое Слепнёво,
С мезонинами изба.

Закричит ночная птица,
Знак оставит на снегу.
Снова скрипнет половица,
Но уже – не побегу...

Тает свет свечи венчальной,
Тени робки и тихи.
В синей комнате печальной
Вновь рождаются стихи.

**Слепнёво – деревня Бежецкого района. Принадлежала матери поэта серебряного века Н.С. Гумилёва. Его жена, поэтесса А.А. Ахматова, в 1911-1917 годах XX века жила в слепнёвском имении Гумилёвых и воспитывала сына Льва Гумилева, который стал впоследствии известным учёным, писателем, и считал бежецкий край своей малой родиной.*

ВЕСЕННЯЯ ПЕСНЯ

*«Ничего, что я песню спою,
Одиночество ваше нарушу?...»
Виктор Верстаков*

Одурманенный весенним туманом,
Тонкой талией и взмахом ресниц,
Пел полковник про рассветы Афгана
И про страшные закаты Чечни.

Слово пульей в наши души влетало.
Стали явью те забытые дни
Где-то там, вдали, в горах Кандагара...
Где-то здесь – Аргун, Моздок и Шали.

А гитара, как сестричка, рыдала.
Жизнью чьей-то оборвалась струна.
Крики «Браво!» раздавались из зала.
Ну а я застыла, словно стена.

Ну а я – жена солдата, девчонка,
Проживала эти дни вновь и вновь:
Там когда-то на границе подонки
У меня весну украли, любовь...

Песня кончилась, сорвав шквал оваций.
А полковник, лишь качнув головой,
Без улыбки прошептал: «Хватит, братцы.
Я вернулся, слава Богу, живой»

Мне слова той песни все – не запомнить.
Но я верю, что однажды лишь мне,
Мне споет тот полупьяный полковник
О моей, в горах погибшей, весне.

КАРТИНА ИЗ МУЗЕЯ

Тихая вязь акварели,
Матовый лик полотна.
В жизнь из другой параллели
Утром сочится весна.

Спящие ивы, скамейки
Дождик помыл между дел.
Голуби ходят семейкой.
В храме светлеет придел.

Долгие тени причалов
Словно в воде облака.
Лодка отчалит устало:
Снова утихнет река.

Лучше не знаю прелюдий.
Схвачена истины нить.
Но просыпаются люди
И...

начинают жить.

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

Он лучше всех рисовал лошадей
Изо дня в день на каждом привале
Дивные лошади гордо скакали
Ввысь отправляя надежды людей.

Эти рисунки дарили тепло:
В руки возьмешь – будто встретишься с домом.
Вспомнишь о чем-то родном и знакомом
Точно военное время прошло.

Так, заглушая тревогу и боль,
Лист из блокнота, газеты, альбома
Вдруг становился настолько весомым,
Что получал бережную роль.

Мнилось бойцам, что прибавится сил
(Да, было в этом сакральное что-то)
Взводный шутил – мы теперь не пехота:
Каждый за пазухой лошадь носил.

Ежели думать одной головой,
То понимаешь, что смерть неизбежна.
Только внутри где-то шепчет надежда:
«Верь! И вернешься из боя живой».

Верили. В тайне. Храня как секрет
Вшестеро сложенный лист лошадиный.
И зажигался в них непобедимый
Воинской силы и разума свет.

Эту историю дед-фронтовик
Чаще рассказывал мне, чем другие
Видно в военные судьбы людские
Накрепко этот рисунок проник.

Эта страница и ныне хранит
Дух фронтового единства и веры.
И, подтверждая былого примеры,
Лошадь из прошлого в вечность летит.

МАЙСКАЯ ПОЕЗДКА В ГОРОД

Что не ласков сегодня мой город:
Воронья распечатанный грай,
Дождь пощечиной, мартовский холод
По ошибке пробравшийся в май.

У вокзальных ступеней сменяю
Пыль провинций на лоск площадей.
Городской суетой прорастаю
Сквозь проемы стеклянных дверей.

По шагам разложив переходы
И локтями измерив в длину,
С майским холодом все твои годы
На истоптанном Невском вдохну.

Полной грудью вбирая прохладу,
Отдавая частичку тепла,
Позабуду под пристальным взглядом
Кто я есть, чем жила, где росла.

Протащусь трехсотлетней старухой
Перегарами грязных дворов,
Заражаясь как гриппом разрухой,
Щурясь блеску рекламных даров.

Ты меняешь и маски и лица,
Но едина российская суть:
По фасадам ты все же столица
(Не дай Бог в глубину заглянуть).

Но под гулкий гудок электрички
Возвращаясь обратно во Мгу
Я, крестом осенясь по привычке,
Все твое тебе честно верну.

РАНЕНОЕ БЕЗМОЛВИЕ

Мы, русские, теперь нечасто вместе
И чаще в горестный, чем в добрый час.
Но женщина в платочке чище чести
В наш город привезла свой фильм о нас.

Алания. Страна ветров и башен,
Чинар тенистых, грифов в выси гор.
Тверским гостям давно уже не страшен
Гостеприимный сунженский простор.

А в прошлом здесь разыгрывалась драма,
Что в наших душах болью отдалась.
За век до появления ислама
Здесь был растерзан православный князь.

Славянский богатырь – синоним чуда,
Надежда угнетаемых сердец.
Но заклеимён проклятьем, как Иуда,
В веках наш брат по крови Романец.

Старейшин старше на Кавказе горы,
И мудрость не родится в суете.
Так через горы просочилось горе:
Князь выдан хану братом во Христе.

Князь Михаил Тверской был сыном добрым
Своей земли, а Юрию цена?
Его звала не воинская доблесть –
Великое княжение, казна.

От слов до дел у местных путь короче,
У них и мальчик – воин, а не раб.
Отряд стремится под покровом ночи
Героя вырвать из кровавых лап.

Но никогда заложников не бросит
Окрепший в вере муж, отец, солдат,
И чёрное крыло своё заносит
Над сердцем кровь свою предавший кат...

На окровавленной ладони зверя
Оно трепещет семь веков подряд.
Вершины гор, глазам своим не веря,
С тех пор в безмолвье раненом стоят.

Здесь тучными одни лишь тучи ходят,
Пейзажи непорочней, чем луна.
Стройна и с именем цветка, находит
Здесь место казни женщина одна.

Мы с ней в тверском чужие кинозале,
Уже располовинившие жизнь...
Мы ничего друг другу не сказали,
Но, сдерживая слёзы, обнялись.

ВОСХОЖДЕНИЕ К СЛАВЕ

*Будь проклята, война – наш звёздный час.
Михаил Роцин*

Я это видела на сотнях лиц:
Что потрясло, то помнится нам долго.
Есть город Ржев. Во Ржеве – обелиск
Над глубоко внизу гудящей Волгой.

Бои здесь были страшные. Тогда
Здесь с берега чужие пулемёты
Косили снизу прущую пехоту,
В бессмертье отправляя навсегда.

Но кто ж простит надменному врагу
Хотя бы литр солдатской русской крови:
В ней – ничего, патриотизма кроме
Да ненависти к тем, на берегу.

Год, полтора... Военный неуют.
Вниз тянет автомат. И пусто в брюхе.
Но с горя почерневшие старухи –
Сорокалетние – живыми ждут.

Нас год назад не пули жгли – крапива.
Но снизу вверх непросто посмотреть –
Не то что влезть, и жизнь не торопила.
Красноармейцев торопила смерть.

И поднялись. И над Берлином – знамя
Победы, на парадах – ордена...
Но с братских кладбищ мёртвыми губами
Всё шепчут: «Будь ты проклята, война!».

НЕИЗВЕСТНАЯ ВОЙНА

героям и жертвам «Финской» войны

В неизвестной войне не бывает героев,
Но даёт она часто иные плоды:
Кто-то в ней для себя правду жизни откроет
Ту, что многих потом сбережёт от беды.

Может, лиха хватив и продрогнув до нервов,
Проклиная весь свет, ненавидя врага,
Он потом на известной войне в сорок первом
Беспощадного зверя вморозит в снега...

В неизвестной войне нет чинов и регалий,
Отшумела в краях приграничных, что в снах.
Помнят лишь валуны, как рядами шагали
Наши красные роты в карельских лесах...

Сколько лет пронеслось над гранитной грядой,
Доты, дзоты молчат, но тревожны сердца -
Мы ещё до сих пор с неизвестной войною
Разобраться не можем никак до конца.

В неизвестной войне не бывает героев?
Мы её открываем сейчас для страны,
И проходят бойцы наши призрачным строем,
Те, кто были Отчизне до смерти верны.

МЕТРОНОМ

жертвам Ленинградской блокады

Опять метроном зачастил,
И надо бы встать и пойти,
Но сил негде взять, мало сил...

И двинуться с места так тяжело:
Сынишку собрать и поклажу,
Стараться не думать о младших
Дочурках, двойняшках-младенцах.

Ведь нет их! Вчера в полотенцах
Дочурок на саночках детских

Свезла на Смоленку, задвинув
В строй свёртков коротких и длинных
В мешках, в покрывалах, в простынках...

С сынишкой домой сквозь сугробы
По улицам-тропкам знакомым
Под быструю дробь метронома...
... Свист режет пилой перепонки,
Убийственно долгий и тонкий.
Сынишку в охапку! В воронку...

... Мужчина седой наклонился:
«Ты, мама, кричала. Приснился
Блокадный кошмар? Повторился?»
Он подал лекарство, как в детстве.
Сумела забытья, согреться,
Стучит уже медленней сердце...
Но в нём – метроном!

2014. ТЕНЬ

Украине – с болью и надеждой...

Жовто-блакитное небо засмалено дымом - черно,
Алым залито, но вместо рассвета - закат.
Ты не выглядывай вечером из любопытства в окно,
Ведь неизвестно в чьих будет руках автомат.

Тенью могильной накрыло почти половину страны.
Предали память и пишут хулу на святом.
За баррикадами смутно-знакомые знаки видны.
Кровь уже льётся, но чья? И что будет потом?

Правда и кривда, мешаясь, смертельный ведут хоровод.
Кровь, запекаясь, становится, словно земля.
Жовто-блакитное скоро коричнево-чёрным зальёт.
Тень душегубца и встанет тогда у руля.

Этот реванш дожидалась она чуть не семьдесят лет,
Призраком рея над бритой тупою толпой.
Вот, дождалась - воскресили, застила опять белый свет.
Справится кто с силой тёмной, с проклятой ордой,
Братья и сёстры?

НЕ ЗАБЫВАЙТЕ О ДОНБАССЕ

Эти слова не пишу, не печатаю,
Они прожигаются сквозь бумагу...
Кому-то Донбасс – дело вовсе десятое,
Словно какая-то там Никарагуа.

Телевизор уже не пестрит новостями,
Нынче в кадре с утра и до ночи Алеппо,
Только в Зайцево мины летят горстями,
Только хаты становятся кучами пепла.

Тонны снарядов в жерла обыденно
Гаубиц грузят своих взэсушники:
– Минск* мы в гробу в белых тапках ваш видели,
Что ни решите – всё будет нарушено...

В Александровке цели – палят без разбора,
Им плевать: и жильё, и больница, и школа.
Просочилась в Донецк диверсантская свора –
В лифте взорван комбат с позывным Моторола.

Сколькими жертвами будет оплачено
К нелюдям, к силе бандитской терпение?
Попусту время убито, потрачено –
Ждать бесполезно уже примирения!

Ни покоя, ни сна нет, одна лишь усталость –
Расскажите об этом, перелётные птицы.
Только вам о надежде поведать осталось:
Наш Донбасс – на восток от российской границы!

() «Минск» - договорённости контактных групп в Минске по ситуации с ДНР и ЛНР*

ПИСЬМО ЖИТЕЛЯМ УКРАИНЫ В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ Л.Н.ТОЛСТОГО

*«Когда вам белым чёрное представит
И не моргнёт лукавый лиходей»
(Борис Олейник)*

Ваш разум не темнел, не шёл вразброд,
А слух и взгляд с душой не враждовали,
Когда, как будто спички в сеновале,
Здесь ложь была запалена в народ.

И он, как встарь, обманываться рад,
Когда сулят халяву и наживу,
За счет других народов перспективу,
А мир и честь пусть пламенем горят...

Тот изувер коварно поджигал,
На вековых амбициях играя.
Начав с глухого галицкого края,
Страну майданом в клочья разорвал.

Вы тут же разделились: свой–чужой.
Чужие – все, кто в стадо не сбивался.
И контур Бухенвальда показался:
Всплыл над луганской выжженной землёй.

Ваш разум не кипит, когда толпа
Кричит, от хунты требуя подмоги:
Снарядов на восток для перемоги,
Чтоб вздыбилась военная тропа.

Увы, ваш разум, очевидно, слеп.
И вы героев павших позабыли,
Костьюми что вашу отчину вскормили:
На их крови в степях рождался хлеб.

У вас в чести – убийцы матерей,
Те существа, те волки вне закона...
И жизнь людей на острие патрона,
И вид повсюду выбитых дверей.

Как это стало? Кто не уберёт?
Народ молчал и не сопротивлялся...
А что ж Господь? Он снова не вмешался.
И отвернувшись, запер свой чертог.

НОЧЬ ПЕРЕД КАЗНЬЮ

В безмолвии угасших фонарей,
Прильнув к подножьям каменных церквей,
Таясь от звёзд нагая Ночь гнездится.
Но всё молчит... Поэта древний стих.
И огненный Перун смятенно тих.
И перья крыл свинцовые на птице.

И не найти нигде такой страны,
Где все умом богов наделены,
Как здесь, в её немереном пространстве.
И ты ступал сквозь Ночь с лицом как мел,
Куда-то в мрак бессмысленно глядел
В своём непререкаемом упрямстве.

Ах, этот химерический простор!
То ль слава, то ль жестокий приговор.
Ветрилом – шар искромсанной рубахи.
И вьющиеся посвисты бича
Из кожи неподвижного плеча.
И запахом сосны – дыханье плахи...

Но что за Ночь с глазами дикарей!
Не ей ли с каждым мигмом всё видней
Был русского пророка след кровавый?..
И там, за покосившейся верстой,
Сочился зеленеющей водой
Из недр земли родной. И всё ж неправой...

И вздыбится прожорливый восток,
И кинет луч на струпья голых ног –
В грязи, пыли и всякой дряни прочей.
И голосом дурным зайдётся грач.
И странно вдруг испуганный палач
Услышит эхо музыки той Ночи...

НОВОРОССИЯ

*«... девочка стояла на мокром от слёз и дождя
перроне и плакала.»
Сергей Котьяло, «Исход»*

Захудалая станция. Мусор. Перрон.
Поезд тронется в ночь – полем, степью и лесом.
Пробежит мелкой дробью проснувшийся гром,
И вспорхнёт красноглазая туча ворон,
И рассядется по убегающим рельсам.

Неразборчивый гомон, снующий народ,
Поцелуи, объятия, улыбки прощанья.
Поезд тронется в ночь – в никуда, без забот,
По оврагам и пашням, сквозь топи болот,
Застучит без печали и слов обещанья.

Взвизгнет ветер, куда-то беспечно летя,
Завихрит над вокзалом, немым, опустелым,
Да и стихнет унылым сюжетом дождя.
И никто не заметит, как плачет дитя –
Босоногое, в шляпке и платье белом...

Плачет девочка. Горько, беззвучно, одна.
Ей так явственно помнится корочка хлеба...
Паровоз даст гудок и вскричит тишина.
Встрепенётся от призрачной дрёмы война,
И на землю обрушится чёрное небо...

Станут глушью пустынной вокзал и перрон.
И приблизится гулкий прерывистый рокот.
И не будут слышны ни мучительный стон,
Ни далёкий как эхо церковный трезвон,
Ни безмолвье застывших зияющих окон...

И ослепнут часы, и умрёт календарь.
И эпоха проглотит лихую годину...
А сквозь огненный дым и смолистую гарь
Что есть силы ударит безвестный звонарь.
И услышит дитя: «Я тебя не покину...»

И клочочек земли этой – неизмерим
Тихо-тихо вздохнёт под крестом обгорелым.
И ребёнок, неведомой силой храним,
Вдруг увидит, как небо светлеет над ним.

Эта славная девочка в платьице белом...

СОЛДАТ ВТОРОЙ МИРОВОЙ

Ты вернулся домой. По обугленным тропам.
Ты не можешь понять этих подлых времён.
Что ж в душе твоей? Может быть, трепет знамён –
Тех, что ты водружал в самом центре Европы?
Иль доска у холма из неизвестных имён?

Видишь? Звёзды в столице... себя же предавшей.
Нет, не видишь... В глазах – весь в огне окоём.
Средь развалин Варшавы – вы с Евой вдвоём.
Белокурые пряди и взгляд обжигавший.
Сиротливой берёзкой – фигурка её...

Ты оставил любовь... И бесчестно, внезапно
Ощутил на себе длань жестокой вины.
Плыл рассвет под восточную песнь тишины,
И ты шёл по дымящим руинам – на запад.
Под грохочущим небом бессмертной войны...

Как давно это было, старик молчаливый...
Ты её не нашёл... Что же в сердце теперь?
Или лживые стрелки курантов? Иль дверь,
Унесённая вихрем, под согбенной ивой?
Сколько пережил ты невозвратных потерь?

Что в груди твоей? Может быть, горечь бесчестья
От тяжёлого вздоха распятой судьбы?
Или тайна тоски безысходной мольбы?
Или пытка горячечной жажды возмездья –
Временам – за сожжённые ими гробы?..

ИНВАЛИДАМ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ

Гремит своей каталкой по дороге,
Баклушами скребёт по мостовой,
Орденосный, молодой, безногий,
Герой войны, израненный - живой,
Он на базаре, будто на работе,
Тряхнёт гармонию, разведёт меха:
Когда затынет песню о пехоте,
Так вроде жизнь не так уж и плоха.

Стою в толпе я, малая девчонка,
Смотрю, как к шапке денежки несут,
Герой поёт и горестно, и тонко,
Ещё не зная, утром увезут
На острова - там инвалидам место.
Решили власти - будет и приказ -
Всех после санитарного ареста -
На Валаам! И будет в самый раз!

И вновь поёт солдат – «слуга народа»,
Хрипит, сипит, растягивая рот...
Гармошка плачет и сама природа –
Над всей Россией дождик льёт и льёт.

ЭЙ, ЗЕМЛЯ!

Эй, Земля, раскрутись! Развернись!
Возликуй, торжествуя над смертью!
Я захвачен шальной круговертью,
У которой название - Жизнь!

На планете зеленой кружусь,
Как на самой большой карусели,
Ухватившись за две параллели,
Мчу на тройке с названием Русь!

Ну-ка, солнце, к зениту взлетай!
Золотыми потоками брызни!
Я люблю время радостной жизни,
Под красивым названием – Май!

БЕЛЫЙ ГОРОДОК

Загуляла осень.
Белый Городок.
Взгляд на Волгу бросил
Красный огонёк.

Край родной зелёный!
Речка да туман
Белою вороной
Сядет на дома.

В клубе поселковом
Фильмы про любовь.
Ранний лист кленовый
Заалелся в кровь.

Долгоруким князем,
Крепок-невысок
Был поставлен наземь
Белый Городок.

Жгли его чужие.
Грабили свои.
Жили не тужили
Только соловьи.

Старенькая церковь,
Каменный скелет
Пригвоздилась цепко
В берег за сто лет.

Корабли и баржи
Строит он сейчас.
Обо всём расскажет
И полюбит вас.

Загуляла осень.
На заре промок,
Окунувшись в росы,
Белый Городок.

ГОРОДИЩА

Холмики дедовских старых могил
Вряд ли на поле сыщешь.
Но за рекою «под ход ноги»
Древние городища.

Наши богатства хранят с тех дней —
Шишек сосновых россыпи
Да серебристые грани пней,
Щедро умытых росами.

Дремлет угрюмый оплывший вал.
Ров, долго горе мыкая,
Вензель таинственный вышивал
Щавелем и куманикою.

Брошены в гущу шальных веков,
Прежних хозяев ищут
В устьях невысохших ручейков
Русские городища.

ГОРОДОК

Городок не расстрелян, не взорван,
Не отмечен на карте пунктиром.
Он давно не в ладу с внешним миром.
Городок разворован.

На пространстве пятиэтажном
Ждёт сигнала телевещанья
Городок с исправительным стажем:
«Все на выход с вещами!»

Терпеливый, к побегу не склонный,
На вершине холма и на склоне,
Безоружный, потрёпанный, скромный
Городок в обороне.

Сотни лет никуда не съезжая,
Будет маяться вечно на грядках
Городок мой... и ждать урожая,
И ночами спать сладко.

* * *

Обрывается след
на песке у широкой реки,
где рубахи «как след»,
подоткнувшись, хозяйки стирали.
Этот дедовский край
ты отныне своим нареки
и у сосен узнай
о дремучей и вечной печали.

Хлынут рифмы, как дождь,
будет память, как прежде, жива...
Но однажды прочтешь
по морщинам, как ниточки, тонким:
не вернуться назад –
за спиной дотлевают слова, –
и опустишь глаза,
и прошаркаешь к илистой кромке.

И покажется там,
где набрякшие тучи седы,
где к иным берегам
отлетают стихов отголоски,
где шныряют стрижи
над лиловою рябью воды, –
бородатый мужик,
налегающий грудью на весла.

* * *

Поутру на попутке собравшись отчалить,
уложив беспокойную память в суму,
ты смотрел через розовый дым иван-чая:
не дымится ли печка в знакомом дому.

И шептала криница тебе в изголовье,
между явью и сном размывая мосты,
что не скажется гость в опустевшем гнездовье,
не нарушит суровой его немоты,

чугунок не поправит тяжелым ухватом,
прохудившийся невод не сядет плести,
не заглянет в глаза покосившейся хаты,
возвратясь из обжитых своих палестин.

...Может быть, не об этом журчала криница,
но печаль, как травинку, сминая в горсти,
ты сегодня зашел по-соседски проститься –
и молчишь покаянно, не в силах уйти.

* * *

Это запах весны? Это гари и засухи запах...
Разорвет облака вопрошающе-долгое «Каррр...» –
ошалевшая птица с надеждой посмотрит на запад,
но в застывшем зрачке отразится пылающий шар.

Потемневшая даль ей опять ничего не ответит.
Заплутавший ручей пересохнет, как слёзы Рахиль.
Прошуршит по кустам изведенный бессонницей ветер
и взметнет над дорогой прогорклую серую пыль.

В непроглядной ночи приоткроются памяти недра:
ты узнаешь в лицо распростертых в горячей пыли
и сухими глазами уставившись в мертвое небо
будешь с ними молить ниспослания лучшей земли.

Эти вязкие мысли под утро починут во бозе.
Разленившийся дождик пробьется из душевных перин.
И дурная ворона отыщет гнездо на березе,
где ее желторотик проклянет яйцо изнутри.

ВЕК СЕРЕБРЯНЫЙ

1.
Век серебряный, век страшный.
Век обрывов и побед
Над собою, над вчерашним.
Время падающих в снег...

Время срывов и талантов,
Время срезанных полётов.
Век побегов, эмигрантов,
И доносов, и отчётов...

Судьбы сорванных умельцев,
Мастеров пера и кисти,
Не успевших разгореться,
Не сумевших не разбиться...

2. ЕСЕНИН

Головою светел,
Полон мыслей тёмных,
Шёл Москвой Есенин
Меж домишек сонных.

Друг его – завистник,
И не друг он вовсе...
Нет весёлых мыслей.
Дождик хлещет косо.

А в Кремле гадают,
Как его потратить –
Козырь светлоглавый –
В страшной этой партии.

Нет ему удачи,
Много ошибался.
Шёл Москвой Есенин.
Шёл и улыбался.

3.
Открываются архивы,
Открываются глаза.
В них – такие перегибы!
В них – такие голоса!

Голоса из преисподней,
И из рая голоса,
Выгнанных в одном исподнем
На расправу – в три часа.

И звучат они как эхо,
Как стрельба и как набат –
Голоса людей, которых
Время не вернёт назад.

4. ПЛАЧ ЭМИГРАНТА

Я не желаю быть причастным
К позору Родины своей,
Где ежедневно, ежечасно
На казнь невинных шлют людей.

Я не желаю быть причастным
И к сатанинской этой мессе,
Когда в обед идут доносы,
А после ужина – аресты.

Я не желаю быть причастным
И к этим страхам, и гоненьям.
Когда друзей ведут на плаху,
Оплакивать стихотвореньем

Я не желаю! ...быть причастным
К тому, что не могу принять.
И оставаться здесь – опасно.
...Я не желаю уезжать!

5.
Уплывала Россия в прошлое.
За кордоны, за Рубикон
Из неё уходило хорошее
И нескоро вернулось потом.

Образованнейшая, умнейшая,
Не принявшая красную власть,
Уплывала интеллигенция –
За границей наплакаться всласть.

Власть меняется, время проходит,
Но, как выстрел в висок страны,
Тот корабль всё ещё уходит.
И следы всё ещё видны.

6.
О тех, кто без вести пропал
В краях далёких,
Кто послан на лесоповал,
О судьбах многих,

О тех, кто Родине служил,
Идя в штрафбатах,
Кто – тоже! – гражданином был
И был солдатом,

О тех, чьей не было вины
В той дикой смуте,
Кто о России видел сны,
Не позабудьте!

ОГНЕННЫЕ СНЫ

Как давеча за шахматной доской
Екатерина начертила сетку –
Домов фигурки и кварталов клетки,
Вот – город между Ригой и Москвой.
Есть три значенья слова Ржев: во Ржи
Есть ржанье конское и ржавые подковы.
И пусть Ми-2 над Волгою кружит -
Поручик Ржевский улыбнется снова!

Война. В старинный город враг вошел
В Покровский храм людей согнали немцы.
Но их от гибели спасли красноармейцы.
И храм старообрядцев служит до сих пор.
До основанья выжжен на войне
И граждан много тысяч потерявший,
Ржев, будто бы из пепла вновь восставший,
Путь заслонил коричневой чуме.

И фраза: «Лишь бы не было войны!»
Сегодня ощущается все резче...
Гостиница. Гулянье в майский вечер.
Во Ржеве снятся огненные сны.
Над Волгою Девятого салют.
Как белой ночью над Невой в июле.
Москва и Питер руки протянули –
История сошлась внезапно тут.

В музее вспоминаю о былом.
Посуда под стеклом, винтовки - в зале.
Мы чай с его сотрудниками пьем
И мой товарищ старый сборник дарит.
А я бы прочитала пару строф,
Но в пять звенит брегет: конец трудов!

Вдоль набережной молча мы бредем.
Мне кажется, я здесь уже бывала.
И хочется мне все начать сначала,
Когда река сверкает под мостом.

МАКЕДОНСКИЙ ФРОНТ

Синяя птица на белом кресте -
неба затейливый блик.
Сладость инжира на жёстком листе.
Мемориал Зейтенлик.
Первой войне неперенная дань
вставших рядами крестов.
Русская часть. Рядовой. Капитан.
Гуров. Лопалин. Крустов...
В Грецию шли из-под царских гербов,
брошены властью любой,
чтобы союзники словно рабов
гнали их первыми в бой,
в пекло жестоких атак и осад
к смерти дорогой прямой.
В тех же, кто чудом вернулся назад,
целился тридцать седьмой.

УГЛИЧ

Розовеют на морозе щёки.
Церкви Дивной розовеют грани.
Углич промолчит о старой ране,
о своей печальной подоплёке.

К Рождеству показывают стрелки.
Но хотя покоем дышат лица,
так же кровь царевича сочится
из-под позолоты и побелки.

Притворяется кирпичной пылью,
Вычинкой осыпавшейся кладки.
Пусть снега лежат, чисты и гладки,
боль навеки остаётся былью.

В недосмотре мамок и бабулек
вероятность превратилась в прочерк.
А морозы, как и прежде, точат
голубые ножички сосулек.

ВДОЛЬ СЕВЕРНОЙ ДВИНЫ

Предельно ясные пейзажи.
Над чистым полем небосклон
да деревянных храмов стражи –
непревзойдённый эталон.

Грехи – лишь повод к покаянью.
Вдоль русла Северной Двины
в осиновое одеянье
монастыри облачены.

Поставлен каждый без сомненья
и без единого гвоздя.
Смиренно в годы затемненья
шатрами небо бороздя,

срастаясь с лесом и лужайкой
восьмериком на четверик.
В реке под белоснежной чайкой
несётся ярко-чёрный штрих,

играет пенный след баркаса.
Земля просторна и проста.
И отраженьем в оке Спаса –
Иван Данилыч Калита.

ГОЛДОВНИК МАГНУС, ПРИНЦ ДАТСКИЙ

*«...и ты поди в свою землю Езел да и в Датцкую землю
за море, а нам тебя имати нечево для...»
Грамота Ивана Грозного голдовнику Магнусу.*

я магнус герцог принц епископ далее
король ливонии брат короля
мой остров эзель мой оберпален
все это в прошлом
как и я
чужой в чужой земле меня сначала
надул мой брат потом московский плут
женив на маше старицкой мне дал он
не то что за царевнами дают
я каркус получил да три погоста
да шубу соболиную до пят
и с ней приказ взять регель или сдохнуть
и рад ли я спросил он
нет не рад
что одноглазый ты связался с шельмой
но в королях я даже преуспел
он шел на пярну мне сдавался хелмет
он шел на навгин мне сдавался ерль
мне сдался венден он пошел на венден
пленил меня избил и бросил ниц
и я бежал к баторию с надеждой
все потеряв вдруг все восстановить
надул и он ни жизни ни короны
я сослан в пильтен на казенный кошт
король ливонии король законный
все это в прошлом все это ложь
все ничего не значит снег подтаял
сквозь ветки солнце удлинлись дни
свобода слава мой оберпален
мой копенгаген
где они

ХАНСКАЯ УЛА

*«Обернувшись крылом парящего ястреба — ты отлетел,
государь мой!».
Алтан-тобчи*

тебе пчелиный воск а мне кумыс
и гарь земли когда смотрю я вниз
с безлесых гор на реки и долины
родимой баргузинской котловины
горят вдали сигнальные огни
и пирамидки из камней вздымая
спешат хребты как по ступеням дни
чтоб год в конце времен избыть до края
по лезвию воды дрожит плавник
а чешуя щитками отражает
тьнь гор блеск вод и кедры тонут в них
вершинами корней не достигая
я все сказал я все уже свершил
я все открыл завоевал проверил
пусть сотни солнц горят на сотнях крыл
на сотнях стрел вонзающихся в череп

ЕКАТЕРИНЕ II

Ты, вероятно, первый враг России.
России, что любовно приняла
Тебя, когда вас с мамой пригласили
Пытать судьбу у русского двора.
Ты не могла быть верною женою –
Презренье мужа ранило глубоко.
Любовью ты обделена судьбою,
За это месть твоя была жестока.
Всю мощь обиды воздала стране ты,
Когда уж труп супруга сгнил в земле...
Напрасно раздавала ты обеты,
Они фальшивы были, это ясно мне.
И никаких не нужно оправданий,
История всегда рассудит точно,
Кто мудро правил, для России правил,
А кто в письме лукавил в час полночный...

ЕКАТЕРИНЕ ВОРОНЦОВОЙ-ДАШКОВОЙ

Не менее великая Екатерина,
Чем та, чьей дружбой дорожила ты,
Спасибо, что наукой одержима,
Ты многих вдруг исполнила мечты.
Мечты, которые умам дарили сладость,
Когда науки на вершину вознеслись.
И эта удивительная радость
Умов великих изменила жизнь.
За «Собеседник...» сатирический – спасибо,
За Nova acta, буквы «ша» и «ща»,
За нравственность, которую смогли мы
Хоть на листах увидеть словаря.
Крестьянство ты не обошла заботой,
Хотя их жизнь тебе не изменить.
Но это благородная работа
Тех пожалуй, кому в оковах жить.
И, несмотря на трудности большие
Ты жизнь достойно до конца прошла.
В ночи, считая нити золотые,
Душою вовсе не была скупа.

ГОСУДАРЬ

I
Есть у меня свое море
И собственная столица,
Славно в моем просторе
Живется зверям и птицам.

Руки мои для драки
И для пера сподручны,
Наливаются мои злаки
И стада мои тучны.

Есть у меня подруга,
Перси, что груши спелые...
Но... Опускаются руки...
Что-то не так я делаю!

II
Мой замок почти разрушен,
И войско мое разбито,
Ров перед замком осушен,
Меня покинула свита.

Королеву сразил мой лучник, -
Врагу открыла ворота,
Без нее мне не будет лучше,
Но... меньше одной заботой

Теперь мой удел - изгнание,
Буду пасти там овец,
Буду делиться знаниями
С жителями окрест.

Без ласки, без поцелуя,
Без желанного тела,
Через века пойму я,
Что же не так я делал.

ЗУИ

*«...птица именуемая «зуй», любит места сии Богом данные...»
из письма монаха Святогорского монастыря, XVIII век
Зуй, или зуя, - так называют в тех местах серую цаплю
(прим. автора)*

Где Сороть тихая привольно разлилась,
Селились зуй серые от века.
Они — времён ушедших с нами связь,
Хоть память о Зуёво и поблекла.
По займищу на тоненьких ногах
Вышагивали зуй в жирном иле.
Пришлись по нраву сочные луга
И людям — здесь Зуёво урядили.
Покрылся холм рядами серых крыш,
Дремучий бор стук топора услышал.
Над озером, где шелестит камыш,
Летать чирки и зуй стали выше.
Но вот Михайловским назвали то сельцо.
Господский дом холма вершину занял,
К реке раскрыв широкое крыльцо,
В сирени спрятав кухню, службы, баню.
Лучи аллея прорезали весь лес,
Скамьи и мостики белели где-то в ёлках.
А зуй, тщательно скрывая интерес,
Каскад прудов рассматривали долго.
Потом безумием пылал богатый край.
И зуй, возвратясь к родным жилищам,
Услышали ворон зловещий грай,
Но поселились рядом с пепелищем...
И снова осквернило землю зло,
Со стоном падали деревья-исполины...
Уже бурьяном укрепленье поросло,
А всё пугались зуй взрывов минных...

Пусть древнее название из сердец
И унесли реки забвенья струи,
На карте, изменившейся вконец,
Свой Чёрный пруд находят всё же зуй!

КАМЕРИСТКА

Изба давно не топлена, темна.
В буфете - грязное фарфоровое блюдце.
Весь день старуха смотрит из окна
Туда, где на осинах листья бьются.
Но видит не курган, что мхом порос, -
Оранжерейку с деревцем лимонным
И кипень итальянских белых роз
За подъездной аллеей лип и клёнов.
Играет бликами витражное стекло,
Блестит паркет навощенным узором...
За туалетом время быстро протекло,
Ведь пять часов, и гости будут скоро!
- Ах, барышня, позвольте мне...Charmant! -
И платье ловко схвачено булавкой,
Так трепетно обвит изящный стан,
Что даже шпигот от восхищенья тьякнул.
Золой начищено, сверкает серебро,
Звенит сервиз на двадцать две персоны.
В уютном зальце с роскошью ковров
Звучит Шаляпин в треске граммофонном...
А камеристка в сумрачной избе
Одна как перст, не прибрана, босая,
И кормит крыс, чем Бог послал, себе
Рассудок лишь воспоминанием спасая.

* * *

Посвящается любимой деревне Кулье

Моя деревня - скит березовый,
Живет за речкой голубой.
Вокруг простор полей нескошенных,
Храним небесной синевой.

Я скину туфли на обочине
И пробегусь по полю босиком.
Там где-то дом наш заколоченный
Еще все жив, за родником.

Я пробегусь... Наполнит силою
Мои ступни прохлады трав.
Благослови меня, мой край любимый,
Удачей, да во всех делах!

Набегаюсь по полю я душистому,
Наобнимаюсь крепко с травушкой
И обращаюсь к истоку чистому -
К земле родимой, нашей матушке:

Ты береги себя, моя хорошая!
Я далека, но сердцем я близка -
К твоим полям душистым и нескошенным,
К которым с детства тянется душа!

ЛЮБИМЫЙ УГОЛОК ДУШИ

В любимый уголок души,
Мне хочется всегда вернуться.
Там пахнут сладко камыши,
Когда бежишь на речку испкупнуться.

Там бесконечные поля
Играют в прятки с горизонтом.
Кулейской церкви купола
В пространстве светлом и свободном.

Там удивительная роща
Берёзок белых за рекою.
И земляники нету слаще,
Что собирали мы с тобою...

* * *

Бушует пламя в печке,
как люди в пекле драки,
а за оконцем речка,
за речкою – овраги,
а там блестит тропинка,
за ней горит дорога,
но драка, словно пика,
летающая без проку,
вонзается бездумно,
кончается, как ветер,
а утром очень трудно,
но любят всё на свете...

Желаемая радость
сидела где-то рядом,
не поделили малость –
и вот – она – награда...

Но за окном – тропинка
и кошка у порога,
и красная рябинка,
похожая на Бога...

ГРОЗА В ГОРОДЕ

Гром сотрясает тучи,
стряхивая с них воду;
там, на небесной круче
делается погода.

Ветер метелит листья,
птицам ерошит крылья;
дождь мостовые чистит
в городе-крокодиле.

Чудище в мокрой шляпе
лизжет зонты и крыши;
город под влажной лапой
дышит...

ПСКОВСКИЕ ОЗЁРА

Карту области открыл. Нет милей узора!
Как же сердце радуют здешние места!
Драгоценной россыпью псковские озёра,
А вокруг дремучие, хвойные леса.

Сколько гнали ворогов, через них, на запад,
Сколько крови пролито ради этих мест!
Потому, распаренной хвои свежий запах
Никогда, наверное, мне не надоест.

Долгожданная пора отпускная скоро,
По морям разъедутся лучшие друзья,
Но с морями дальними псковские озёра
Красотой и святостью сравнивать нельзя.

Уезжать не тороплюсь, знаю повод веский,
Верю, каждый водоём силу сохранил.
Там вот князь когда-то жил, Александр Невский,
Тут вот Савва Крыпецкий с Богом говорил.

Жаль, на ваших берегах стало много сора,
Верю, мы исправимся, вы простите нас,
Слёзы божьей радости, псковские озера,
Свежие и светлые, цвета детских глаз...

ЛЮБИМОМУ ГОРОДУ

Остановите споры ни о чем,
Где лучше жить: в Москве, иль за границей...
Мне повезло родиться псковичом.
Я городом своим могу гордиться!

Когда я на чужбине, по делам,
Мне никуда от памяти не деться.
В душе звучат Его колокола,
И купола крестами колют сердце.

Сюда не залетал метеорит,
И не спешит элита мировая.
Зато сусальным золотом горит
Над речкой купол, небо подпирая.

И безупречны выправкой своей,
Намоленные многими веками,
Десятки белых воинов – церквей,
Оберегают каждый псковский камень

От всех стихий и вражьих башмаков,
Несущих нам куски заморской грязи.
Их положил немало гордый Псков,
Немногие вернулись восвояси.

Ведь город Псков – кулак Святой Руси,
Помощник славный Матушки России.
Ты нас за это, Господи, спаси,
Даруй духовной крепости и силы.

СЛОВЕНСКИЕ КЛЮЧИ

Сияло небо бледно-розово.
Помады вкус слегка горчил.
И наперегонки, до озера,
Неслись Словенские ключи.

А мы с тобой, одевшись простенько,
Вдали от суетных людей,
Стояли на скрипучем мостике
И с рук кормили лебедей.

Сливались в общее свечение
Блеск озера, ручья и глаз.
Сжималось время до мгновения,
И небеса втекали в нас.

Душицей пахло, пахло таволгой.
До белоснежных облаков
Шагали в горку мы усталые,
Но это было так легко!

ЗА РОССИЮ!

*«Нешто, залетные мои, хорош Русак на ласки,
Да только не замай – загнет злодей салазки.
Русская пословица.*

Прочь сомнения, друзья,
И без страха вперёд,
Если в бой за Отчизну
Труба позовёт.

За родимую землю,
За милый наш край
Сила русская встанет,
Её не замай!*

В дружбе жили мы
С добрым соседом всегда,
Но, не правых обид
Не простим никогда.

Сабли чайками реют,
И крепок наш щит,
Враг могучей рукою
Не раз будет бит.

Щит наш крепок,
И русская вера крепка,
И любовь не иссякнет –
Летят облака...

Облака над Россией –
Летят табуном,
Праздник русской победы
Придёт в каждый дом.

Прочь сомнения, друзья,
И без страха вперёд,
Если в бой за Отчизну
Труба позовёт.

**Не замай! – не задевай, не тронь – предостережение.*

* * *

Мой город спит под плач метели.
И мнится погребальным плач,
Как будто городок отпели
Владельцы строящихся дач.
Им ни во что цветенье вишен,
И огороды ни к чему
Забор тем лучше, чем он выше...
Собаки воют на луну,
За неимением прохожих.
Подвымер местный люд, похоже...
И только крепость на холме,
И только памяти болтанка,
Да три гвоздики на броне
В бетон вмурованного танка.

* * *

Не Рязанщина, не Смоленщина,
Где с залысинами леса,
И нередко степная женщина
Драла лыко на туеса.

Здесь деревня к деревне тянется
Перелесками вдоль болот,
А тропинки узлами вяжутся.
Поворотов невповорот.

Потому здесь баскак не хаживал,
Собирая для хана мзду.
Тут мужик хана наземь ссаживал.
Мне пахать, мол, не обессудь.

Много было, бывало многое,
Что молить нам, не замолить.
Но у Бога лицо не строгое.
Богу хочется нас любить.

НА ЯРМАРКЕ РОЖДЕСТВЕНСКОЙ

Фуражка набекрень и чуб над бровью,
В гармошку сапоги, из кумача рубаха,
И ус лихой, закрученный с любовью,
С орехами калёными папаха!

По девицам румяным взглядом не промажу,
Молодушке в кокошнике зазывно подмигну,
Нечаянно тулупчик ей поглажу,
И, будто невзначай, понёву подогну!

Тальянку растяну от уха и до уха,
Рассыплю кнопками кадрили.
В пляс пустятся, и древняя старуха,
И маковки церквей, и колокольни шпиль!

Тряхнёт лошадка бубенцами,
Ногами переступит ходко раз, другой,
Помчит по снегу крашенные сани,
Тальянке вторя, перезвоном под дугой!

Ох! Как под вечер разойдусь!
Медком согрившись на морозе знатно,
Я песней веселю святую Русь,
А девок - пряником печатным!!!

НУ ЧТО ЗА ЧУДО!

Ну что за чудо – русские девчонки!
У них есть всё: и стать, и красота,
Гармония природы тонкой,
И бесшабашность, и святая простота.

В них холодность британской леди,
Латины пламенной сжигающая страсть,
Есть мягкость в них чистейшей меди,
А в нежных пальчиках стальная власть!

В них широта мелодии привольной,
И глубина, как в водах океана,
В душе бушует ветер вольный,
И чуть лукавства, вовсе не обмана!

В фуфайке или в бальном платье,
Одежда – мишура, иль просто дым.
Вы, может, будете смеяться -
Их создал Бог на зависть всем иным!

ГАРМОШКА

Ночью звонкой, соловьиной,
Серебром блестит дорожка.
И с мелодией старинной
До утра грустит гармошка.

То басами приударит,
То легонько тянет вверх.
Нас, то благостью одарит,
То толкнёт на сладкий грех,

То заставит развернуться,
То в тугой комок сожмёт,
Или в прорубь окунуться,
Иль отправиться в полёт.

Обожжёт, как жар из топки,
Вдаль потянет не спеша...
Ведь гармонь – не просто кнопки,
Это русская душа!

Я ВЧЕРА БЫЛ...

Я вчера был живой. А сегодня под гаснущим небом
Окликаемый стаями вдаль улетающих птиц,
Я уснул навсегда, и как будто не жил я и не был
Самым нужным и близким кому-то из тысячи лиц...

Чей-то внук я и сын, и кому-то любимым был братом,
Верил в доброе, в лучшее верил, и жизнь я любил.
Почему я убит, если даже я не был солдатом,
Шел из школы домой, так за что меня кто-то убил?

Я вчера был живой, а сегодня как будто и не был:
Я лежу распростертый в холодной октябрьской пыли.
Уплывающий клин журавлиный в туманную небыль
Улетает свободный от распрей родимой земли.

Я сегодня убит. Смерть за кем-то другим уж по следу.
Всё плохое случилось, и рана уже не болит.
Только мамины руки заломлены в черное небо,
Что дождем, как слезами, осеннюю землю кропит...

ИМЯ - ПОБЕДА

В огненном далеком 41-ом
Ветераны были молодыми.
Не родясь героями, наверно,
В дни сражений становились ими!

Юные, вихрастые, живые,
С неуёмным сердцем беспокойным
Погибали в годы грозовые
За свободу Родины достойно!

Никому не кланялись в колени,
Презирали подлость, ложь и трусость,
Ни о чем они не сожалели,
Хоть и знали - раз бывает юность!

Чтобы подвиг их забытым не был,
Все по ним сердец биенье сверьте!
Их геройский полк уйдет на небо
Унося однополчан в бессмертье.

Их не станет, но бессмертно Имя -
Общее для всех отцов и дедов,
И его не спутаешь с другими -
Это Имя подвига - Победа!

ПРИЧАСТНОСТЬ

Юг погодой тёплый и холодный север,
Серединный климат может быть любой.
К Родине причастность проявляет клевер,
Череда-причепка, полый зверобой.

Пользой для природы не сравнюсь я с ними,
Жить бы научиться, не творя вреда.
Видятся за взгорком нивы золотыми,
Кажутся в зените взрослые года.

Облака недвижны в голубой постели,
Вечер затемняет плавно каждый штрих.
И повесил месяц желтые качели,
Прокатиться хочет облачко на них.

И глядятся звёзды горными глазами,
В тишине уснувшей обострен мой слух.
А туман белёсый льётся полосами,
В белокурой роще замирает дух.

ЗДЕСЬ И ТАМ

Где незабудковые сини
И свежесть речки на ветру,
Сорву я веточку полыни,
Тихонько в пальцах разотру.

Родимый запах, оголенный
Полынно голову кружит.
А колокольчик преклоненный
Не то стоит, не то лежит.

Мне освещает путь ромашка
И будто видит далеко,
Как мне в людской России тяжко
А здесь до крайности легко.

А там нахальные мздоимцы -
Ой, не унять их частный зуд.
Меня достали проходимцы,
Никак всё мимо не пройдут.

Я не люблю того, что дурно,
Дурной уклад, дурную весть.
Там на душе колюче, смурно,
А вдохновенье мыслям - здесь!

* * *

Приснилось мне, что умершую мать
Я вёл по коридорам, переходам –
По зданию близ Исакия, в котором
Почти всю жизнь работала она.
Что значил этот сон – попробуй, растолкуй!
А, может быть, по слепоте душевной,
По той самоуверенности, что
В крови от детства не переведётся,
Не мог себе признаться: нет – она
Ещё ведёт меня по этой жизни,
И предки наши за сердце берут,
Как за руку, вдоль времени и между
Своих забытых судеб,
Переходов –
Туда, куда –
Привыкнуть я обязан –
Мне с ними вместе надо будет, надо...

И этот сон в наследство передать.

* * *

Четвёркой месяцев уже подзапряглось
И тащится, невольню прибывая,
Всё наше прошлое,
А каждый в прошлом – гость
Отчасти...
Гонит времени кривая...
Что скажешь?..
Для начала – улыбнись,
А я – убивец времени – не вздрогну,
Ведь наш «удел – катиться дальше... Вниз?!»,
По не могу в четвёрку эту вогнут,
Кручусь-верчусь, как путаник, и пусть!..
Ты в губы тихо так проговори мне,
Что это лишь пустые «брёдь» и грусть...

Умножим прошлое до крайней точки... – хрусть? –
Хоть настоящим, ветреным... Не зимним.

* * *

В мире холодном, во власти гармонии,
Что ж нам неймётся, плутам да затейникам?
Бродим синкопами сердца, агонией,
Бредим о горнем, а просим-то:
«Денег нам,
Дай в пропитанье,
Пришли в прожиганье,
Господи,
Вникни, простая ж наука,
Нам, жиганам, по отчайке – скитанья,
А по случайке – притворство и скука...
Дай нам – возможность – от сердца, не с краю,
Или пошли, но тогда до предела,
Я всё равно этот стих проиграю...
Проигрыш, пауза...
Песнь – пролетела?»

Греют, как в холод, мирком по-горячему...

Буднично-просто живётся поэтам –
В пьянках и с девками да разговорами.

Нас так неистово любят поэтому.

* * *

Угол крашенный, угол красный,
Ветер бьется в холодные стекла.
Он сегодня, внезапно не ласковый,
Он сегодня, бессовестно мокрый.
И фонарь обреченно качается,
У него, маяковая выучка.
Капли с криком, о свет разбиваются,
Друг ко другу бросаясь на выручку.
Обреченно взрываются облаком,
И взмывают потерянно душами,
И опять опускаются около,
Перемолоты, сбиты, иссушены.

* * *

Мой город замолчал, с натугой,
Рванул железный нерв написанной строки
Мы верим каждому, но только не друг другу,
Растаптывая жизнью сапоги.
В сердцах находим дикую усталость,
Тоскующую, в самой глубине.
А что еще, для нас, для всех осталось?
В тех надписях, на взломанной стене.
Потерянно сипит осипший голос,
Среди толпы, спешащей в магазин.
И сбоит сердце, и седеет волос,
Когда стоишь на площади, один.
Трагедия моих пустынных улиц,
Смешалась с фарсом городских квартир.
Когда давно в округе все уснули,
Когда проснулся удивленный мир.

* * *

и рубит, под самый кадык,
живущая, где то свобода.
и я, просыпаюсь на миг,
а мимо проходит старик,
с остатками прошлого года.
и долго стоящая ночь,
внезапно, идет мне на встречу,

и рук кладет мне на плечи,
как вновь обретенная дочь.
и стук голубиных костей,
висящих, как флаг над порогом,
сзывает заблудших людей,
идущих по стылой воде,
с улыбкой озябшего Бога.
какая блажная зима
и ветер, все так же внезапен,
и там я с тобою всегда,
в костюме и фетровой шляпе.

* * *

И всем бы так, смотреть на этот город
Где фонари, как светляки горят,
Смотреть на свет, оттягивая ворот
И слушать, как деревья говорят.
И строить планы, на ближайший месяц.
С одним итогом, Бога рассмешить.
А сердце, по привычке душу месит,
Отказываясь с Богом говорить.
И так идти, придумывая строки,
Которые, горчат на языке.
Смотреть на мир, по иезуитски строго,
Пытаясь, что-то объяснить себе.
Репейный дым, как мятая бумага,
Как выброшенный рубль, в глубину.
Я выбираю путь, себе во благо,
Придумывая строки на бегу.
И жизнь похожа, на медовый пряник,
На долгий и неспешный разговор,
На теплый день, на бесконечный праздник,
На резкий выстрел, со спины, в упор.
А город обреченно раскрывает,
Свои объятия новому послу.
Вы скажете, так в жизни не бывает,
Я улыбнусь, и молча, отойду.

* * *

Между умыслов прошлого и происков настоящего
ни намек на то, что ждет за углом впереди.
Только птица поющая, только пуля упрямо летящая
траекторией от левой до правой груди.

Только пуля поющая, только птица свистящая
весом двадцать один гр. - материя? дух? существо?
Элемент мифологии, ремесло праотцев переходящее
этим пеньем управить основ бытия вещество.

Комок перьев трепещущий, сердце в ребрах дрожащее
кто поймает и скажет - отроду сколько лет?
Память вечнозеленая, память живородящая,
отпусти погулять и потрогать рукой белый свет.

* * *

Восхищенная птица сидит на холодной скамье
И, нахолившись, греет свои беспокойные пальцы.
В темном городе каждый прохожий слышит о ней,
О ее одиночестве с книгой и принце-скитальце.

Где кончается вымысел и где начинается фальшь,
Кроме девушки-птицы навряд ли кому-то известно.
О, прекрасная, спой же о том, как мечту не предашь,
Как останешься с нею одной, даже став бессловесной.

Чернокрылая Сирин с глазами холодной земли,
Разделяю твои и печали, и песни о чуде.
Теплый плед и мой кров без смущенья взамен ты прими,
Будем вместе смотреть на вращение яблок на блюде.

* * *

Троекратно ура, в воздух летят монеты.
Лето. И площадь переполняют люди.
Где это было? Когда это было? Где ты?
Как это можно было забыть. Забудем.

Если я утром отправлюсь прямым маршрутом –
За пределами счастья. Пропахла октябрьской пылью –
Ровно к обеду я буду у института.
Как это можно было забыть. Забыли.

Всё суета. В пять тридцать звонит будильник.
Новая жизнь. Другие миры и войны.
Только провал – от памяти подзатыльник:
Не забывай никогда. Никогда. Помни.

Мы атланты – на наших плечах и лежит небо.
Делаешь в сторону шаг – и трещит шарик.
Сдаться сейчас было бы так нелепо.
Я никогда не сдамся. Я обещаю.

* * *

И мысль моя грешна, и путь мой грешен,
Но когда поезд мчит меня на север,
Я вспоминаю лишь сады черешен
И на лугах цветущий белый клевер,

Через сосну, сгоревшую до Дона,
Тропинки чабреца и молочая,
И гул полей, и сладкий запах Дома,
Где каждый раз объятьями встречают,

Где каждый день мне дарит очищенье
От слабости, сомнения и смуты,
Где, уезжая, я прошу прощенья,
И все грехи прощаются как будто.

* * *

Я был бы очень сварливым дедом.
Я бы, сутулясь, ходил с клюкой.
Я бы кричал всем: «Займитесь делом!
Я ведь, как все вы, был молодой,

Но не шатался – в карманы руки.
Не позволяя лениться душе.
Вы все, – бубнил бы, – пойди, от скуки
Готовы на стены лазать уже!»

Я был бы очень сварливым дедом,
Сидел бы на лавке, глядел, брюзжал.
Плёлся в ларёк за несвежим хлебом,
Детям милицией бы угрожал.

По вечерам я всего скорее
Брови нахмутив, смотрел бы в окно.
И бормотал: «Вот в наше время!..
А вот сейчас уже вовсе не то!..»

Мною бы мамы детей пугали.
Слух бы прошёл, что жену убил...
Но никогда бы они не узнали,
Что я очень сильно их всех любил.

Мне просто стыдно бы очень было
И я бы стеснялся им всем сказать,
Что это жизнь меня научила
Все чувства свои умело скрывать.

КОМУ-ТО О ЧЁМ-ТО

Приходи ко мне, посидим вдвоём
На обшарпанных стульях филфака.
А потом, если хочешь, в кафе пойдём,
И закажем себе там завтрак.

Правда, денег сейчас у меня не совсем
Столько, сколько тебе бы хотелось.
Да, стипендию я получаю как все,
Только быстро она разлетелась.

Нужно было сначала купить проездной,
А потом ещё книжек по списку.
Но прошу, посиди хоть минутку со мной,
Мы давно не сидели так близко.

У меня с собой термос, а в термосе чай.
Хочешь, сделаем вид, что в кафе мы?
И вальяжно рассевшись с тобой, невзначай
Будем хором ругать систему?

Знаешь, я даже смогу раздобыть
Пару долек яблок, возможно.
Можем вместе с тобою о вкусе забыть
И представить, что это пирожные.

Ладно, я всё поняла, ухожу.
Ты так знатен, богат однако.
С книжкой тогда я одна посижу
На обшарпанных стульях филфака.

ФИЛЬМЫ

Снимай глазами фильмы – дни свои,
Ресницами деля на кадры плёнку.
Не спрашивай, дозволена ли съёмка –
Везде снимай, везде смотри.

Снимай глазами то, как солнца свет
Касается с утра щеки измятой,
Снимай как снег как будто бы из ваты
Ткёт по ночам свой белоснежный плед.

Снимай, как в кружке вновь заварят чай
И пред тобой поставят осторожно.
Не спрашивай, нельзя снимать иль можно –
Вокруг снимай, везде снимай.

Снимай глазами фильмы о любви,
О приключеньях двух друзей с гитарой.
Про очень молодых и очень старых –
Везде снимай, везде смотри.

Снимай ты так, чтоб в твой прощальный год,
Когда не сможешь больше уж снимать,
Любители твоих киноработ
Пришли к надгробью и могли сказать:

«Он снял глазами чудные моменты.
Он жанр фильмов славный выбрал сам.
И лучшие на свете киноленты
Принадлежат его, его глазам!».

ИОСИФ

Из цикла Слово о Книге

Ты не поверишь, друг мой, никогда -
Я встретил нынче вечного жида.
До наших дней его по свету носит.
Представь себе, его зовут Иосф,
А Агасфер - безделка, ерунда...
Давно забытый сыном и женой,
Растивший сына, а взрастивший бога,
Он весь в пути, вся жизнь его - дорога
Куда угодно, только не домой.
А впрочем, впрочем, где он этот дом?
Истлела прахом жалкая лачуга,
Лишь память сердца, словно шёпот друга,
Ещё напоминает о былом.
Где он, Иосиф, смотрит на того,
Кто просто мальчик, мальчик несмышлёный.
Да, просто мальчик... Просто сын, рождённый
От старческого семени его.
А дальше тьма... И боль не стоит слов...
Его там нет, его забыли раньше.
Он чистый лист - ни истины, ни фальши,
Ни терний, ни распятий, ни голгоф.
И он идёт, подвластный лишь судьбе,
Невидимый для смерти и соблазнов.
Всегда один он и всегда он разный,
Всегда везде он и всегда нигде.
Да ты и сам, мой друг, его видал.
Не узнавал. И это, право, чудо...
Но ты мне не поверишь никогда,
Я встретил нынче вечного жида,
Представь себе, его зовут Иуда...

* * *

И день чужой, и год чужой, и век...
И льётся свет из-под закрытых век
В подставленные лодочкой ладони.
И ты уже не видишь и не помнишь,
Что день чужой и год чужой, и век.

Но если переполнится душа
Небесным светом, собранным в ладонях,
Привстань на цыпочки, взойди на подоконник
И сделай шаг, чтоб воздухом дышать.
А там зима, и свет кружит как снег...
Но день чужой и год чужой, и век...

И ангел с покалеченным крылом,
В запекшейся крови, от двери к двери
Уже идёт и в твой стучится дом,
И в чей-то дом - никто ему не верит,
Что будет лето - лучшее из всех,
Но день чужой и год чужой,
и век...

ДВА ВЕКА

Я человек, рождённый прошлым веком,
В неслыханном величии страны,
Где было всё во имя человека,
Без груза недоказанной вины.

Без ровных швов, без безупречных истин,
Публичных диалогов и зеркал.
Я в краски опускал чужие кисти
И цветоискушение искал.

Я человек, рождённый и возвращённый,
И отданный однажды, как оброк.
Был веком прошлым в схиму облачённый
И выставлен, в той схиме, за порог.

Я две его последних пятилетки
Сдувал помарки с чистого листа.
Из века в век, сиречь, из клетки в клетку,
Я перебрался в возрасте Христа.

Наступит день и словно гонщик с трека,
Сорвусь, перерезая трубки вен.
Мне повезло опробовать два века,
Я прожил жизнь в эпоху перемен!

КАРФАГЕН И ТРОЯ

При всём при том, что Карфаген разрушен,
И Троя стёрта в прах с лица земли,
Истории итог уныло скушен.
Погасли медных пушек фитили,
Оставив ядра в глубине каналов.
Цена всему копейка номиналом,
Всего копейка, брошенная в пыль.
Небесный счетовод возьмёт без сдачи,
Большим подбросит пальцем на удачу,
Любую сказку превращая в быль.

И Карфаген, и Троя суть - руины,
Как неизбежность финишной черты,
Перенесёт художник на картины,
А любоваться ими будешь ты.
Ты будешь слепо верить первым встречным,
Несущим книжный рай в мешке заплечном,
Пергамента усохшего листы.
А города построенные после
Париж, Москву, Калькутту или Осло,
Когда-нибудь в сердцах разрушишь ты!

МОЙ АДМИРАЛ

Я присягну тебе на верность, адмирал!
Я присягну за пять минут до поражения,
Когда почувствую, что точно проиграл,
Мой адмирал, своё последнее сраженье.

Я вместе с ним на эшафот взойду
И встану справа от него на эшафоте.
Смелей, палач, нам не гореть в аду,
Вы нас освободите, не убьёте.

Быть преданным не каждому дано,
Во дни беды величия былого.
Мой адмирал, корабль идёт ко дну,
Я Вам прочту: «В начале было Слово!».

ДОМ

Дом слышал всё. Вечернюю молитву.
И голос хриплый пьяного отца,
Дрожащего, с притупленною бритвой,
Не видящего в зеркале лица.

Он слышал шёпот ветра в тополях,
И на реке предутренние плески.
Надсадный зуд пузатого шмеля
В тяжёлой паутине занавески.

Дом жизнь хранил. Потрёпанный годами.
Глаза больные ставнями прикрыв,
Он мир непрочный подпирал стенами,
Фундамент в землю русскую зарыв.

Смелела мышь, точила половицы,
И галки поселились на трубе.
Давненько не варили чечевицы
В покинутой потомками избе.

Дом позабыл весёлый голос мамин,
В её кровати дремлет тишина.
Он незаметно стал воспоминаньем,
Обрывком недосмотренного сна.

Но он всё ждал, подслеповато щурясь,
Щетиной зарастая сорняков.
А новостройки, нагло вато хмурясь,
Совсем не замечали стариков.

И я, как он заброшенный, бесхозный,
Не раз судьбою битый наповал,
Его по тайным знакам узнавал,
И радовался, что пришёл не поздно.

И вот уже подстрижен, и подлатан,
Расправив стены, вновь хорош собой,
Дом, прикурив от головни заката,
Дымит нещадно новенькой трубой.

Не стыдно перед дедом и отцом!
Ухожен двор и перекрыта крыша.
Приблудный кот царапает крыльцо.
Живёт мой дом! И всё, как прежде — слышит!

* * *

По осколкам льда лег багровый след.
За снегами встали леса.
Отгорела звезда, вылез в небо рассвет,
Распахнуло утро глаза.
По земле огни, по земле ветра,
Черный дым клубами валит.
Отплясала ночь на чужих дворах,
Человеческий вытоптал стыд.
Или пьян мужик, или болен он, -
С топором да в чужой дом.
На икону крест, и хозяйку вон,
И с толпою ее багром.
И бесилась тьма, веселилась тьма,
И пылали и бились костры.
Где-то выл пес. И чертовка луна
Злые тени звала из земли.
Волочили жизнь, рисовали смерть —
Алый след по серым снегам.
Ведьма! Ведьма должна умереть!
Обезумел ночной балаган.
В ледяной воде перемешан лед,
И огни над толпою, огни.
Кто-то гневно и громко бога зовет,
Причитает другой: утони.
Бесполезен крик, безобразен стон.
Человечество ждет постель.
И болезнь его будет бить топором,
И добьет через пару недель.

К ПУШКИНУ. ГРОЗА.

*Кто, волны, вас остановил,
Кто оковал ваш без могучий,
Кто в пруд безмолвный и дремучий
Поток мятежный обратил?
Чей жезл волшебный поразил
Во мне надежду, скорбь и радость
И душу бурную и младость
Дремотой лени усытил?
Взыграйте, ветры, взройте воды,
Разружьте гибельный оплот!
Где ты, гроза — символ свободы?
Промчись поверх невольных вод.
А. С. Пушкин*

Сполохи молний за ближнюю тучей,
Отсветы в глянце дорог.
Город затих, будто страху созвучен
Дождь, учащающий дробь.

Мир сотворен неземною рукою
В облаке звёздной грозы.
Света и тьмы, созиданья и боя
Вечен небесный призыв.

Так же клонились вершины растений,
Молнии рвали простор.
Квадриллионы рождений и тлений
Мир перед Богом простёр.

Ты же, глашатай, грозу призываешь,
Дрёму развеять спешишь,
Воды невольные бурей взрываешь,
Клич возвещаешь в тиши.

Знаешь - за словом разверзнется небо,
Молнии ринутся вниз.
Светлым достанется вечная нега,
Тёмным исчадиям – визг.

Кесарю – пулю и нимб на иконе,
Богу – кощунства и смут,
Родине – море кровавых агоний,
Гению – вечности суд.

ПРОЗРЕНИЕ РИСКУЕТ ОПОЗДАТЬ

Тысячелетний мир от Рождества Христова
На разных языках молитвы возносил.
И спорили отцы об изложенье Слова,
Из века в век, пока хватало сил.

Так углублялся ров меж Русью и Европой,
Так ширилась межа, конфессии деля,
И всё страшнее гул - войны бездушный рокот,
И все священной русские поля.

Всем миром обладать, к покорности принудить –
На каждый новый век – иной наполеон.
От паровых машин и нарезных орудий
К сердцам людей ход мысли устремлен.

Циклоны и чума, войска и прозелиты
На западных ветрах в Россию держат путь,
И с некоторых пор окно в Европу вскрыто,
Как вена, истощающая грудь.

Навеян сквозняком Семнадцатый кровавый,
И даже атеизм как вера утвержден,
Но русский человек, душой и верой правый,
Страдает, но не будет побежден.

И снова ветры к нам! На смену атеизму
Купюрами шуршит, глобально мыслит зло:
Всем веровать теперь в закон либерализма,
Ведь за морем и сытно и тепло.

В комфорте городов рдеют христиане,
Но мира не достичь конфессиям пока –
Пока не ровня те, кто в рясе и в сутане,
И общего не слышат языка.

От вечного креста, что светит на Голгофе,
На Запад и Восток нисходит благодать,
Но розни слепота подобна катастрофе –
Прозрение рискует опоздать!

КАШТАН

Большой каштан зацвёл перед окном,
Цветы его сияли словно свечи,
Торжественное чувствовалось в том,
Казалось, сказкой становился вечер.

Вот только красота - не навсегда,
Каштан могучий от избытка силы
Ветвями упирался в провода.
И ветви по макушку отпилили...

Всё отпилили, что достать могли:
Нет кроны - листья больше не трепещут,
И голый ствол - солдат своей земли
Стоит и терпит этот мир зловещий.

* * *

Когда ты в зеркало воды глядишь, опять
Шептать по-дружески вдруг начинает осень,
Ведь ты не думаешь о том, что будет после,
Когда придётся зиму повстречать.

Она близка, взгляни скорей вокруг -
Увидишь птиц летящих к югу клином,
Уходит всё, чтоб скрыться в небе синем,
И спрятаться вдали, как солнца круг.

Уже и звёзды с высоты летят
и падают на Кром* рыжеволосый,
Земля седеет на глазах и просит
Не отводить от будущего взгляд.

*Кром - псковский кремль

* * *

Если б встретился я с дедом,
Он меня бы точно вздул.
Далеки мы от Победы
Во Шестнадцатом году.

Словно снова Сорок Первый,
Сверху и Сорок Второй...
Дед сказал мне: «Что ж вы, стервы,
Просвистели подвиг мой?!

В детстве мало мы вас драли
Или вам и свет не мил?»
Был бы жив товарищ Сталин,
Он короче б объяснил.

НАДЕЖДА САВЧЕНКО

Отпусти стервятника на волю,
Дай ему хоть крылья поразмять.
«Дикое – не станет диким – поле»,
Просит еще кровушки земля.

Дай огня затлевшему пожару,
Воду лей, чтоб шел девятый вал,
Чтобы малый знал и помнил старый
И трезубец в небе узнавал.

А потом, при помощи молитвы,
Дескать, остановится вандал.
Точно так же, если помнишь, Гитлер
Бедную Германию взнуздавал.

АННЕ АХМАТОВОЙ

Мерзли руки. Кончались дрова.
И в промозглой питерской стуже,
В паутинки сплетая слова,
Из тюрьмы дожидалась мужа.

В тусклой комнате долгий взгляд.
И вуалью тоски опутан
Лучик веры: «А вдруг простят?»
Но октябрь сочится бунтом.

И Крестовской судьбы каземат
Глушит голос и посвист пули.
Вслед смотрела жена и мать.
Правда, сына потом вернули.

За отцов не в ответе мы,
Только всех призовут к ответу.
На пороге Великой тьмы
За Неву уходить, как в Лету.

Не страшась на ветру простыть,
Ждать родных, словно верить в небыль.
И в разлет мосты, а в глазах «Кресты»,
Кресты до самого неба.

ЛЕТО 1989

Были вешние, светлые, ранние.
Нет! В Афгане не умирали мы.
Девяностый топтался в предбаннике;
В суматохе длинных речей.
Невезучее поколение,
Словно времени переменные:
Дружба лопалась вскрытой веною,
За рубеж утекал ручей.

И в карманах звеня миллионами,
Наступала пора талонная,
Девяностая, беззаконная.
Иноземная лыбилась рать.

«Нам помогут!» - твердила партия,
И товар давали по карточкам,
Да из окон бросались бабушки,
Чтобы с голоду не умирать.

Летом восемьдесят девятого
В безмятежность верили свято мы.
Невдомек, что страницей смятою
Наш кораблик идет ко дну.
Как все юные, ждали хорошего.
Стук шахтерских касок на площади
Дал сигнал отправленью поезда
В нашу солнечную страну.

БАБУШКИНА СКАЗКА

Если мне, невзначай, покажется,
Что тяжелую жизнь веду,
Расскажи мне, бабушка, сказочку,
Небывалую, про еду!

«Был главой пароходных буфетов
Прадед твой с купецкою жилкой.
Подавали стерлядку к обеду.
Только свой сыскался Курилка.

Право дал не всякому выстоять
Окаянный тридцать седьмой!
Вертухаи играли на выстрел...
Так и сгинул батюшка мой.

Стало голодно. Жили хлестко.
Люди к нашей беде глухи.
Мы в войну варили похлебку
Из картофельной шелухи.

Лебеда в наше тесто вбита.
Вот на праздник достали мед! –
Ели то, что не ядовито
И для фронта не подойдет».

Как история учит грамоте? -
Испытал голодный барак.
И в моей генетической памяти
Вековечный таится страх.

* * *

Так много лирики в стихах, а в жизни больше прозы;
Застыли души во грехах, как на морозе розы;
И разговоры, о любви мы страстью заполняя,
Златых тельцов боготворим, о Боге забывая.
Так много скверны на устах, как слёз текущих - реки;
Порхаем в призрачных мечтах о супер человеке;
Как нищий гений «днём с огнём», усталым, мутным взглядом,
взирая, ищем день за днём того, кто вечно рядом.
Так много прелести в делах, и мы беды не чая,
Бежим от света впопыхах, во всём себя прощая.
К чему же уготован нам потенциал в дорогу?
Писать в угоду господам? Но стоит всё же Богу
Воздать за щедрость; И талант с лихвою приумножить,
А удержать священный грант Господь всегда поможет.
Душе сорваться не давай в холодный мир беспечный.
Священный дар не зарывай, он ключ от жизни вечной.

* * *

Небрежно расколотый красный кирпич
На нежные всходы прекрасных цветов
Брошен, как выбитый молотом клич,
В омуты настезь распахнутых ртов.
 Брошен, подхвачен, утоплен в крови
 Раненых, пышущих яростью душ.
 Кубок удачи, тепла и любви
 Выплеснут в лица играющим туш.
Острым и колким осколком беды
Врежутся в память руины церквей.
Вера слепая, сжигая труды,
Кроны и ветви лишила корней.
 Стебель ласкает язык топора,
 Но сердцевина прогнила как зуб;
 Маской, мериллом служила кора
 И покосился истории сруб.
Пренебреженье к заветам отцов;
Стужа духовная – времени бич;
На нежные всходы прекрасных цветов
Брошен расколотый красный кирпич.

И РУКА ПРОЧТЁТ РУКУ...

Как по росным травушкам -
да босой душою,
надо мною купола -
золото да синь,
сквозь ожоги непогод
шёл я за мечтою,
сколько лет у Господа
о Тебе просил!

У утраченных минут
нету вовсе меры,
пусть уходит в прошлое
пустота прощаний!
Время - струйкой вдоль волос;
Господи, дай веры!
Исповеди наших душ -
выше обещаний.

Улыбнутся счастьем пусть
слёзы глаз чудесных,
прикоснёмся вместе мы
к Тайне, - и не раз.
Медь заката - к серебру
в далях поднебесных;
руку вновь прочтёт рука,
словно стих иль сказ.

СОПРОМАТ СУДЬБЫ

*«И в лодке утлой мальчишка рыжий
на леску вяжет легко и мудро
подарки моря».*
Станислав Золотцев

Весло - собрат лопаты,
Лопата - сестра весла.
Ещё не строили хаты,
Ещё не знали числа,
Но плавал народ по рекам,
Рулил народ по воде,
Не знал, что зовут человеком,
И вшей давил в бороде.

Найдя в буреломе щепку,
Её превращал в весло,
Бревно становилось лодкой,
Торпедой его несло.
Струилась вода за торпедой,
Играло в руках весло,
Сидел дикОброс на торпедо –
Росло управленья, росло!

А берег песчаным рылом
Встречал немудрёный фрегат;
Давился сырою рыбой,
Но как же был пращур рад,
Что править веслом он может,
Что роет веслом песок,
Что чешет лопатой рожу,
Что ... Что-то стучится в висок!

2

Весло - продолжение руки,
Перо - продолжение мозга,
Судьба загибает крюки,
А лист - принимает дозу
Стихов.

ОСЕНЬ В СЕБЕЖЕ

Осенний праздничный парад,
На небе, на земле звучит,
И краски огненных петард,
Деревья приняли в ночи.

Короче день, длиннее ночь,
Бисквитной стаей облака,
По небу Солнце гонят прочь,
За горизонта берега.

Мгновения золотой листвы,
Напомнят радость прошлых лет,
И задымят опять костры,
И вновь в душе оставят след.

А в Себеже еще тепло,
Еще не выпал первый снег.
Минуты тикают легко
Не нарушая жизни бег.

За осенью придет зима,
Все вместе встретим Новый год,
И полетят опять года,
Как хлопьев снежных хоровод.

* * *

Путей бывает больше двух,
Цивилизации и варвара.
Налоги, служба государева,
Свобода комаров и мух.

Найдёшь меж ними безвозвратные,
Разрушив или сохранив
Себе болезные, приятные,
Плоды голов, стволов и нив.

И одинокие, и парные,
Как слепота и глухота.
Хранимые молвой места,
С корнями рядом, безударные.

* * *

Кому и что мы можем доказать,
Покров снимая с древней тьмы и рати?
Земли Российской собственная статья,
Дорогой сквозь туманы, через гати,

Не кончится, запутавшись в азах,
Схранится в истинах, скрывающихся в тропе.
Те мальчики, кровавые в глазах,
Потом резвились в Западной Европе.

* * *

О будущем заводят речь,
Как будто будущего нету.
Как брата своего стеречь
Зимой, идя навстречу лету?

Угрозу чужая и грозу,
В капризах шкоды и погоды,
Когда напоминают воды
Упавшую с небес слезу.
Пороги облачные хмуры
И рамки старые узки
Учителям литературы.
Должны зазеленеть ростки.

КУРГАНЫ

Как стражи, над речкой курганы
Стояли по многу веков.
Они – наших мест ветераны,
Послушники вольных ветров.

Но дни наступили гнилые,
Курганы корчуют, как пни.
Наверно за тайны былые
Попали в немилость они.

Искатели – золота горсти
Надеются в них отыскать,
А там – угро-финские кости
Да бедности здешней печать.

А там только жизни тяжёлой
Лежит упокоенный быт.
Там старцы, мужья там и жёны,
Там древность седая лежит...

Зияют, как вскрытые раны,
Курганы в родной стороне,
И, буйно взметнувшись, бурьяны
Шумят о встревоженном сне.

* * *

Белый храм, белый свет, белый звон,
В белых платьях берёзы босые
И в цветах белозыбчатых склон...
Это всё – край мой отчий Россия.

Выхожу в тишину поутру -
Небо плавится розовым воском...
И качаются в лёгком ветру
Уходящих времён отголоски.

Журавлей чуть приметный косяк
Серебрится в зените высоком...
Жизнь наша – совсем не пустяк,
Не пустяк, обозначенный сроком.

И когда на исходе тот срок,
Всё пронзительней видишь и строже –
И летящий багряный листок
Дорогих украшений дороже.

Потому и храню запах гроз
И кукушкиных песен пророчье.
Потому и люблю я до слёз
Русь мою, край завещанный отчий.

* * *

От вечернего снега сверкает дорога.
Ветер тайну приносит с чужих берегов.
И молоденький месяц царапает рогом
Серебристо-сиреневый мох облаков.

И рассыпаны звёзды в рождественском небе,
Как в осеннем саду – золотые плоды,
Но не выпал на них путеводческий жребий –
Жребий древней святой Вифлеемской звезды.

Вечер зимний лежит мирозданным покоем...
И совсем не спокойно на сердце моём, –
Нет старых традиций, нет отчих устоев...
Почему так неверно теперь мы живём?

Стала наша духовность убогой и скудной.
Власть и деньги шальные – свихнули народ.
О, сияй же, сияй, Вифлеемское чудо!
О, спасай же, спасай человеческий род!

ИЗ ЦИКЛА «ЦИКОРИЙ ЦВЁЛ»

1.
Не холодные ветры поют,
не раскаты далёкого грома...
Это свеи на приступ идут,
это ляхи у стен Кутекромы*.

Это снова в ливонском плену,
в оккупации под иноземцем...
Мутноватой воды зачерпну
и припомню, что некуда деться

от бесчисленных воин и бед,
не исчезнуть в небесном просторе.
Вижу – месяц идёт на ущерб,
расцветает в овраге цикорий,

и земля, что не надо родней,
и ладей на волнах вереница...
С белокаменных башен видней,
где России с Европой граница.

** Кутекрома - угловая башня псковского кремля*

2.
...от Выборга и до Изборска,
и дальше – вдоль земных границ,
родной земли зажавши горстку,
лежат поверженные ниц.

Они в суглинке и подзоле,
они в бурьяне, тростниках.
Подвластные Всевышней воле
и неподсудные в веках.

Они кирпичиками в стенах
всех приграничных крепостей.
Их кровь течёт по нашим венам,
их свет исходит от детей.

И это вечно будет длиться:
за кругом – круг, за годом – год...
На стены древнего Детинца*
лазурью плещет небосвод.

* *Детинец - Псковский кремль*

ИЗ ЦИКЛА «РЫБИНСКОЕ МОРЕ»

Рубились окна, бороды, фрегаты,
из камня возводились города.
Как в бездну уходила невозвратно
Московия – кичлива и горда.

В простом мундире без следа отличий
любимого потешного полка
Он вглядывался пристально, по-птичьи,
как к северу тянулись облака.

И Он тянулся в мыслях к Беломорью
и Волгу с Балтикой мечтал соединить,
среди лесного хвойного безмолвья
узреть каналов голубую нить.

...И Север уступил – сбылись стремленья.
Другой уже над картою застыл.
И росчерком простым, одним решением
Он судьбы века круто изменил.

Одёрнув френч, попыхивая трубкой...
«Здэсь будэт морэ», – горец так решил.
Над сёлами, монастырями жутко
забились, зарыдали сотни бил*.

Пусть век другой, но как усердно рубят!
Щепа – в расход. Кресты, кресты, кресты...
Над половодьем волголагских буден
одна лишь память навела мосты.

* *било – набат (север.рус.)*

МЕЧТА ЗОВЁТ В ИЗБОРСК

Мечта зовёт Изборск проведать,
где Музы псковские звучат,
пройти тропинкою по следу
через ручьи, на водопад.

Погладить озеро рукою,
впитать природы чистоту,
душой вдохнуть нектар покоя,
на миг забыть про суету.

Чеканна каменная крепость,
неодолим «захаб» ворот,
славянский дух, отвагу, смелость
незримый ангел бережет.

Здесь Рюрик, Трувор с Синеусом
коней водили под уздцы,
и шли ладьи во греки с грузом,
селились пращурьы, отцы.

Но «си - не - хус»? то, знамо, «с домом»?
Рус княжить в Новгород пришел,
толмач, с норвежским не знакомый,
про «Синеуса» перевел?

А «тру - вор»? стало быть, «дружина»,
а может, северный народ?
Язык словесной паутины
в тупик и споры заведёт.

Руси родной огромно древо,
неисчислимы имена,
и Богумира, Руса, Сева
припоминают времена.

КНЯГИНЯ ОЛЬГА

Высока, стройна, прекрасна,
словно, зорька утром ясным.
Сказ былинный говорит,
что «во лбу звезда горит,
под косою месяц светит,
и милее нет на свете».

На просторе парус вольный,
псковитянки дочерь – Ольга,
приглянулась молодцу,
плыть челну вослед венцу
полноводною рекою
за избранницей, судьбою.

Светлый князь – души отрада,
сердцу нежному услада.
Богатырь – сажень в плечах,
море синее в очах,
любы, дороги друг другу
ненаглядные супруги.

Мир семейного чертога,
рука об руку дорога,
и согласие, совет –
оберег от многих бед,
мощь дружин и высь престола
от украин до подола.

И от века и до ныне
почитает Русь княгиню,
и хранит небес покров
славу русских городов!
Под Державною денницей
от добра добру родиться!

В ГОСПИТАЛЕ

Сочился мелкий февральский снег
На корпус, двор и чугуна ограда,
На ток машин, на скамейки сада,
Не веря скорой уже весне.
Он шёл привычно. Так санитар
Идёт вразвалку к дверям палаты.
Вчера в ней тихо бранил катар
Старик, и сам был белее ваты...
Здесь всякий сам господин себе,
Но тащит боль, как солдатский ранец...
У входа пыжится воробей
Разбить на корке ледовый глянец.
Здесь выход тоже известен всем,
И за пальто номерок — не спросят.
Как вата белый февральский снег
Следы солдата, струясь, заносит.
Дежурство вышло почти без сна,
Звонок встревожил его домашних...
Наутро в город вошла весна.
Так подходили к Берлину наши...

* * *

Обители, озёра, тишина...
Белёная сентябрьская прохлада.
Наполнилась прибрежная волна
Медовой желтизной листопада.
В осоке дремлют сырость и покой,
Здесь речи умолкают отчего-то.
Осыпались древесною трухой
Бока на берег вынутого бота.
Короткая возможность просто жить,
День провести у озера и храма,
Безмолвие природы сторожить,
А на молитве первой вспомнить маму.
Горчинкой мха черничный пахнет лес,
У северных широт короче лето.
Старинной паутины лёгкий блеск,
И тихие вопросы... без ответа.

У СЛОВЕНСКИХ КЛЮЧЕЙ

*Всем участникам фестиваля «Словенское
поле-2016» — с любовью...*

Где ты, где ты, моя Россия,
Край черничный, край аистиный,
Где о скалы гремят ключи,
Естества исполняя чин?..
Там опята ломают шляпы,
Там застыли в тумане цапли,
Охраняя болот покой,
Хоть потрогай его рукой,
Хоть подол окропи росой
Приозёрных лугов — густой,
Хоть печерский заслышав звон,
Лоб крести —
Всё как сон, как морок —
Этот край... Не пойму, чем дорог,
Тот валун у семи дорог.
Только если забуду даже
Над Изборском пролёт лебязий,
Переливы полей протяжных,
Сердце будет моё щемить,
И щемить...
И тянуть обратно,
К терпеливым глазам Надвратной
В непроглядной сырой дали,
Где кустарник рассыпал бусы,
Где укрыты от глаз убрисом
Все сединки родной земли.
Там крестами и лапки птичьи...
По зарубкам, следам, отличьям
Я найду тебя. Я найду,
Край черничный, край аистиный,
Нищетою своей низины
Мне написанный на роду...

ПРОЩЁНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Памяти Станислава Золотцева

*«Я прощаю тебя. Ты прощаешь меня.
Мы с тобою прощаем друг друга!»
С. Золотцев.*

Достопамятное преданье
Различно в пыли веков,
Как монашеское дыханье
На страницах патериков:

Брату брат поклонялся в ноги
На пороге монастыря,
«Ты прости меня ради Бога!» -
В сокрушении говоря.

Шли пустынники, с коркой хлеба
Целый мир унося в горсти
В край, где дюны целуют небо
И песком шелестят: «Прости!..»

Быть прощённым - такое счастье!
Шелест мантии - крыльев плеск.
Каждый третий не возвращался
Пасху праздновать на земле...

В наших узких душевных кельях
Не монашеский дух живёт,
Только русскому сердцу цельно
Полюбился обычай тот -

Повиниться, чтобы простили.
Что злопамятство? - Мелкота.
Испытующий взгляд пустыни
Можно выдержать только так.

В наготу самоукоризны
Я глотаю солёный рай:
«Ты прости меня ради жизни,
Утекающей через край!»

И немею: вчерашний недруг
Благодарно в ответ поник -
И пустыня бывает щедрой,
Если в недрах таит родник.

ЗЕМЛЯ ПСКОВСКАЯ

Игорю Григорьеву

Бежит дорога вверх и вниз,
Стремится в небо без оглядки -
Туда, где синеглазый сфинкс
Силён загадывать загадки.

Расплёскивая гул в полях
Грозы, аукавшейся в чащах,
Возносит Псковская земля
Озёр дымящиеся чаши.

И открывает беглый взгляд
На повороте тропки торной,
Как в небе тонущий закат
Всплывает в глубине озёрной.

На ледниковом валуне,
Взрастившем вековой лишайник,
Не разгадать сидящей мне
Бескрайней и бездонной тайны.

И лучше уж сейчас и здесь,
Покой сомненьем не разрушив,
Принять её такой как есть
В распахнутую настезь душу -

Принять, что не смогу помочь
Тоске небесно-синих вспышек
В оконцах брошенных домов
С травой, растущей на крышах.

Волны озёрной шаткий бег
Встречать, пока не укачает,
А вместо сизых голубей
Кормить черноголовых чаек.

И переслушивать стократ
Лады завравшейся кукушки,
Как двести лет тому назад
В Михайловском их слушал Пушкин.

(Там, где речные рукава
Закатаны наполовину,
Перетекает синева
В бескрайние поля люпинов.

При повороте головы
У местных вспыхивают блики
Бессмертной этой синевы
В глазах - от мала до велика.)

* * *

С.А. Золотцеву - Поэту и Гражданину

Память засыпало пеплом, зарыло золою,
Солнце обуглило сердце, умы обожгло:
Так и живем, в серость будней уйдя с головою,
Не вспоминая о том, что навеки ушло.

Только беспамятство – самая худшая доля,
Злая беда и большой человеческий грех,
К нам возвращается приступом горя и боли
К тем, кто заветы отцов променял на успех.

К тем, кто забыл их дела, и попрали их наказы,
Кто растерял сам себя, позабыл про свой род.
И расплзлась по Руси безучастья зараза,
В злую толпу превращая великий народ.

Только мне хочется верить, что главное цело,
Если поэты слагают такие стихи,
Значит, живет, продолжается русское дело,
Значит, замолим своими стихами грехи.

Выдюжим, встанем, расправим могучую спину,
Вспомним откуда мы родом и кровь у нас чья.

...

А для иуд на Руси подрастают осины,
И для борьбы подрастают у нас сыновья...

Там, где к Великой мчится Пскова...

СТИХИ О ПСКОВЕ

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
СТАНИСЛАВА АЛЕКСАНДРОВИЧА ЗОЛОТЦЕВА

ГИМН ГОРОДА ПСКОВА

*Музыка Николая МИШУКОВА
Слова Станислава ЗОЛОТЦЕВА*

Там, где к Великой мчится Пскова,
Там, где Россия в людях жива, -
Встал наш любимый город седой,
Вечно хранимый Ольгой святой.

Припев:
Блещет барс над каждой башней.
Блещет золото крестов.
Вечно славься, Псков вчерашний!
Вечно здравствуй, новый Псков!

Звон колокольный в небо плывет.
Город наш вольный вечно живет.
Годы лихие сгинут, как дым.
Славу России мы возродим.

Припев

Не опрокинет времени гром
Нашу твердыню - каменный Кром.
Вскормлен и впоен силой земной,
Пахарь и воин, Псков наш родной.

Припев

ПСКОВСКИЙ ДИПТИХ

-1-

Земля родная, лада светлолика!
Легендою старинной ты жива:
величественно-гордая Великая,
приветливо-изящная Пскова...
Колокола гудят набатом времени,
как будто снова - в чистом поле бой.
Мы, псковичи, такого роду-племени,
который не смиряется с судьбой.
Мы до конца стоим - и не сгибаемся:
крепки душою, сердцем и умом,
«ПСКОПСКИЕ»! И, как прежде, прорываемся,
ведь русская земля - «уж за холмом»...

-2-

Не голубых кровей, не княжеского рода,
без всякого сомненья - из крестьян,
из скобарей, из русского народа.
Вот мне какой достойный статус дан!
И агрономы есть, и педагоги
на родословном дереве моём.
В народ и из народа - их дороги,
и дом крестьянский - это отчий дом.
Жалею тех, кто бредит-метит в князи,
за деньги новорусский звездочёт
их отмывает от народной „грязи“,
сосстряпав им „дворянство“ и „почёт“.
На Псковщине - далёкий полустанок
дворянство наше: двор и огород.
Тут знают: хлебом сыты - есть достаток,
родятся дети - значит, жив народ.
Сюда я возвращаюсь снова, снова...
И здесь меня не называют „гость“.
...Тут - прадедом прибитая подкова
и древний герб - рябины алой гроздь...

ПЕСНЯ О ВЕЧЕВОМ КОЛОКОЛЕ

Колокол, звавший на Вече
издревле псковский народ...
Разве умолк он на веки?
Кто его помнит и ждёт?

Был он народный глашатай --
звонкий, всегдашний, родной...
Слышал и князь, и оратай
зов на совет и на бой!

Слезами людскими омытый
колокол с горькой судьбой...
Нет, не разбил его мытарь!
В вечность летит над Псковой
плач по родимому звону:
«Колокол вече казнён...»
Но вопреки всем законам
зов его не отменён...

И всем царям не подвластен,
временем не расплён,
к жизни России причастен
Вече народного звон.
В нём -- колокольчик Валдая,
звон всех весенних дождей --
древняя и молодая --
песня России моей.

И над полями, лесами
звон колокольный летит!
Колокол Псковский -- над нами...
Колокол Вече звонит.

ПСКОВ

*«Любуемся Псковом. Господи! Какой большой город!
Точно Париж! Помоги нам, Боже, с ним справиться!»
С. Пиотровский. Секретарь короля Стефана Батория.
Август, 1581 г.*

Псков увидеть и пасть тут костями!
Но какой бог услышит молитвы?
Бог войны или бог вечной тьмы,
Бог добра или Речь Посполиты?

Мы выносим иконы в пролом.
Мечем ядра и копья, и смолы.
Прочитайте последний псалом,
Пан Баторий, у церкви Николы!..*

Храмы — крепости.
Рубят мечи.
Супостату отпор не по нраву.
Православные мы, псковичи.
Город Плесков родной наш по праву!..

Помоги же мне, господи, с ним!
Помоги полюбить, не замаять.
Псков изранен. Я тоже раним.
Над рекою Великой парим
В сонной неге, храня нашу память.

**У церкви Николы Чудотворца при осаде города была ставка короля Батория*

ПСКОВ-МОСКВА

Эх, Россия... сёла, огоньки,
В сизом небе жёлтые дымки
Изогнулись, что хвосты кошачьи...
Тянутся болота и леса...
Убранное поле... Голоса
Стай последних кличут или плачут.
Зов могу я только угадать
Из окна вагона... Снова гать...
Семафор над лентою дорожной...
Станция с окошками в резьбе...
Малая зарубка на судьбе,
Тихий вздрог предчувствия под кожей.
Память крови — это ли не чушь?!.
Но когда едины все пять чувств
В странном узнавании и боли,
Понимаю, потому жива,
Что ломаю сердце на слова,
Словно хлеб октябрьской юдоли...
Псковщина! Родимая тоска,
Ломота у правого виска,
Туч стада и низкое давление.
И внезапным всплеском — белый храм,
Белый конь и снега первый шрам,
И комком в груди — стихотворенье...

ПСКОВА

Как псковитянки рукава,
В воде листву полощат ивы.
Тиха осенняя Пскова
И удивительно красива.

На протяжении веков
Чиста водою, многолика,
Пскова, пересекает Псков
И отдаёт себя Великой.

Приемлет старшая сестра,
Пскову в объятия, рядом с Кромом.
Над ними егозят ветра
И птицы кружат невесомо.

Пскова - связующая нить,
Ты связь веков и поколений,
Позволь воды твоей испить,
Встав пред тобою на колени!

Из цикла «Цикорий цвёл»

* * *

Была Пскова черней, чем смоль,
со вкусом прибалтийской соли*.
И мне казалось – лучшей доли,
вернее славы нет. Но боль

была разлита по камням,
но голубым небесным блеском
цикорий цвёл по древним фрескам
и луч скользил по куполам.

И затухал едва Восток,
как Запад наливался кровью.
И здесь, у Пскова в изголовье,
был сон тревожен, неглубок.

И мнилось – по чудскому льду
опять бегут, а лёд искрится,
и князь, с мечом воздев десницу,
отводит новую беду...

Идёт ливонская война,
и крепости встают на стражу...
Но пряжа не ссучила пряжу
для свадебного полотна.

Спи, Ольга, спи! – ты так мала,
не перевернута страница,
воркует нежно голубица,
кипит варяжская волна...

И век, откатываясь вспять,
так горек, как полынный запах.
Но кто-то манит вновь на запад
и рвётся руки целовать.

*Пскова – река, от *pīskava, pīskē* (финск., эст.) – смола

ГОРОД И Я

А город спит под звездным покрывалом.
Молчит качель и безмятежен дом.
И дремлют парки в городе усталом.
Не спит лишь древний и могучий Кром!

Блестит река - что время укачало.
И все застыло в предосенней мгле.
И лодки отдыхают у причала,
И чайки спят на старом корабле.

...Мирожка обновленная проснется,
Рассвет туманом встанет над водой.
Листва посеребренная качнется,
И утки закряхтят наперебой.

Помчат авто по скоростным дорогам.
Любовь моя, войдешь ли ты в мой дом?
Мы в суете сует живем под богом,
А жизнь ведь не отложишь на потом!

В безумном мире растворюсь стихами.
Спасительно слово отыщу.
И в поле, за душистыми хлебами,
Пегаса я на волю отпущу!

Ну вот и перевернута страница.
Под блюз дождя погаснут фонари.
А город - расколдованная птица!
Он лучше всех, хоть что мне говори!

ПОКЛОН СВЯТОМУ КНЯЗЮ ДОВМОНТУ-ТИМОФЕЮ

Литвина крепкое, глубинное славянство,
Как в ножнах кожаных его меча клинок,
И слова твердь, и чести постоянство –
Не это ль слабомятным урок?

Для возрождения не это ли опора?
Отдать служению – последний взгляд и вздох,
Не промолчать, когда меж братьев ссора, –
Слова в устах – не их ли молвил Бог?

Дать руку слабому – не это ль путь спасенья?
Расплавить сердца воск и сироту согреть.
Что ж до врагов – страшатся пусть отмщенья:
Коль вор и плут, возможно ли терпеть?

И наземь сбить с коня железного магистра,
Чтоб смелым поединком битву завершить!
Так отчего ж забвенье слишком быстро?
Кому столь выгодно в забвеньи этом жить?

Всем есть один Судья за синью небосвода –
Даёт Он время нам, чтоб осознать смогли:
Тот – ложь творил, а Наш – служил народу!
Наш князь Довмонт! Поклон Вам до земли!

РАВНОПОСТОЛЬНАЯ

О. Ф.

Путаясь в повилике, где семена легки,
Вышла Пскова к Великой - встретились две реки.
Полную чашу с краем сосен, болот, озёр
Жадно в себя вбирает княжича пылкий взор.

Дышат сырým привольем сумрачные леса,
В утлой лодчонке - Ольги северная краса
В душу гусиным криком плещется: на-ре-ки!
Крыльями над Великой встретились две руки.

После в девичьих песнях будет искать покой,
Но ни в единой веси не обретёт такой
Девы, изрядной станом, мудростью, правотой -
Той, что княгиней станет, а через век - святой.

Не попрекайте казнь, пеплу судьёй не стать,
Смерть причинили князю - смерть воротилась вспять.
Смысл бытия утерян, льнёт к пустоте рука,
Древним тотемным зверем душу грызёт тоска.

Глуше ивана-чая только плакун да сныть...
Таинство очищает всё, что молве не смыть.
Высится колокольня псковского кирпича
Там, где княгине Ольге явлены три луча,

Где при речном слиянье лбы валунов грубы,
Где в зоревом сиянье встретились две судьбы.
Выросла до обета женская вдовья грусть,
Ясным христовым светом всю облакая Русь.

КНЯЗЬ АЛЕКСАНДР

Взяша немцы град Плесков
И седоша тамо два лета.
Александр же князь разгорется сердцем
И пришед, и бишася с ними на леду,

И сошед князь на озеро, глаголемое Чудское,
Тамо постави полкы своя у Воронья камени,
Бе же солнцю всходящу, яко червлёный стяг, над его
главою -
Се Господь благое сотвори ему знаменье.

И приближеса вражеска рать несметная,
И едину чашу испиша смертную
Вои княжи, поелику
Бысть та сеча зла зело и велика.

Стрелы свет омрачиша, яко дождю идущу,
Звук же бысть от сечения мечнаго пуще
Грома. И ломахуся булатныи копия,
И не бе видети леду: покры бо ся кровию.

Александр же князь, воздев руце на небо, рече:
«Суди, Боже, и разсуди прю мою от языка велеречива».
И падоша ту множество много немцев, а чюди не счесть,
И, гоняче, биша семь верст, и не бе камо утещи им,

Даша ратни плещи своя на раны
И сечахуть я до Суболичьскаго берега,
И не обретеса противникъ ему в брани,
Възвративъ же ся Александръ съ славною победою.

Бяше бо полоненых много в полку его,
И ведяху их босы подле кони,
И сretoша его съ кресты попове и игумени
И народ мног, поюще Славу Господню.

ПСКОВ

Как этот город не любить?
Как солнце в небе Пскова.
Как то, что подымает ввысь.
Как нерушимость слова.

Из городов российских он,
Наверно, самый русский.
Надёжный рубежа заслон,
Куда дорогой узкой
Доедешь от Великих Лук.
Быть может, Руссы Старой.
И увезёшь с собою звук,
Сердцами и гитарой
Рождённый. Пламенем свечи
и птицей с хлебом в клюве.
Там, где Словенские ключи,
Где похоронен Трувор.

И все минувшие века
Почувствуешь свободно.
Течёт Великая река
Недалеко, но водно.

ВИД НА ПСКОВ

Вид на Псков: кремля корона,
судьбы рек пересеклись,
берега, природы лоно,
и лазоревая высь!

Над Великой, над Псковую
этажей, мостов полёт,
очарованный собою,
ходит белый теплоход.

Кружит лето многоцветьем,
благодатные деньки,
на аллеях в парке дети,
молодежь, фронтовики.

Голубой берет десанта,
на груди медали в ряд,
на могучего атланта
нежно девушки глядят.

Псков держал рубеж осады
со штыком передовой,
и воскрес, восстал из ада
сын Отечества, герой!

Время лечит сердца раны,
ось вращает полюса,
грозны тучи с океана,
но в запасе полоса.

Начеку аэродромы,
парашюты за спиной!
Серебро крыла над домом,
в небе сокол молодой!

ПСКОВ

Я представляю мысленно картину:
Тропинка, вниз бегущая к реке,
На склоне одинокая рябина,
Дрожащая при лёгком ветерке,

А наверху обрыва, над рекою,
Украшенный короной мощных стен,
Как будто бы гордясь самим собою,
Псков предстаёт во всей своей красе.

Проста архитектура древних храмов,
Суровой даже кажется на взгляд,
Но нет тем храмам в целом мире равных
За скромный и неброский их наряд.

Задумались о чём-то вечном главы
И сверху вниз взирают на людей,
Свидетели людской беды и славы,
Предельно строгие из всех судей.

И каждый камень здесь – фрагмент истории,
Запечатлевший русскую судьбу;
Он обличает, защищает, спорит,
За город Псков ведёт свою борьбу.

Мелькают исторические даты,
События меняют жизни ход,
Но, как и прежде, здесь растут ребята
И жизнью трудовой живёт народ.

Восходит солнце, освещает дали,
И, в крепостное замкнутый кольцо,
Псков открывает, чтоб все увидали,
Великое прекрасное лицо.

ПСКОВЩИНА

Что-то будет впереди?
Где на счастье подкова?
Грустный дождь идет под Псковом,
А в Печорах – выходить,

Что разгадывать загадку.
Там старинный монастырь,
Где со смотровой площадки
Приграничья видим ширь.

Раньше было все едино.
Хоть бывала там не раз,
Стоп! Тупик для пилигримов:
Страны разные у нас.

И уже немного страшно
От большой земли вдали,
Но в окне Изборск. А дальше
Вот поляна, где лились

Как ключей Словенских воды,
Песни и стихи в простор –
Смелость внутренней свободы
У реликтовых озер.

И окажемся мы вскоре
От мирских вдали сует
В Святогорье, на Тригорье,
Где «Онегин» ткал сюжет.

В лукоморье, где Татьяна,
Ждет героя на скамье,
Лебединой песней пьяна,
Анна Керн стоит в колье.

И уездный скромный хутор
Пушкин славит на века –
Не по летам юным мудрый,
Солнце Псковских могикан.

Время в Пскове мчится быстро
Может, это счастья знак,
Разводя туман и мрак,
Не давать покоя мысли.

ПСКОВ (ДИЛОГИЯ)

1.

Была ль в том быть, была ль в том небыль –
Никто не подтвердит вовек,
Но три луча, спустившись в неба,
Пересеклись в слиянье рек.
Храм Троицы Живоначальной
Стал в центре древнего кремля.
Звон праздничный и звон печальный
Впитала Псковская земля.
И град вокруг возник великий,
Себе взяв имя у реки.
Там слышатся и смех, и крики,
Съезжаются князья, полки.
И иногда, в ночную пору,
У башен древнего кремля
Всё чудится то вздох, то шорох
Тех, чьи тела хранит земля.
Закаты над рекой Великой,
Как кровь погибших здесь солдат,
А лица их вписались в лики
Святых, что город сей хранят.
Сквозь времена и сквозь пространство
Отодвигается засов,
И древние видны убранства,
И голоса слышны веков...

2.

Мягкою рукой, рукой покоя
Сжато сердце, сердце ледяное.

Древний город, город осенённый
Летней шляпкой - шляпкою небес.
Но досадно времени в обрез,
Хоть стою, внезапно ослепленной
Красотой, что стелется у ног
Вдаль на горизонтовый порог

Мягкою рукой, рукой покоя
Сжато сердце, сердце ледяное.

Голову склонить, склонить колени
Хочется мне городу на грудь,
И хотя б на миг забыть свой путь
В спутанных дорогах поколений,
Чтоб услышать голоса веков,
Отодвинув времени засов.

На губах, губах, не знавших ласки
Поцелуй застыл дождемкой малой,
Уж закат стелился покрывалом,
Облачая все в иные краски.
Белый камень розовым казался,
Лишь его румяный свет касался.
Гордо купола светились златом,
Отражая солнце многократно.

Мягкою рукой, рукой покоя
Сжато сердце, сердце ледяное.

Опустив слегка устало веки,
Вниз собор взирает величаво.
Люди говорят, что Богу слава,
Он же славит гений человека.
Звон колоколов чуть-чуть печальный
Отзывался эхом отовсюду
И твердил, что «Ты умрешь – я буду
Над землей стоять многострадальной
Утешая души поколений.
Голову склони, склони колени».

Мягкая рука, рука покоя
Держит сердце. Нежное! Живое!

ИСКОННЫЙ ДОМ

На лад старинный звать его Плесков,
Он и теперь звенит колоколами.
Наш древний Псков из памяти веков
Глядит пятью большими куполами.

Суров российский западный простор,
Прижился здесь навеки род наш кровный.
Се всей округи Троицкий собор
Далёко виден, как маяк духовный.

Здесь наша крепость, наш исконный дом!
Устало день смыкает свои вежды.
Мы по проспекту Рижскому идём,
Сверяя е миром лучшие надежды.

А псковский нрав по-северному строг,
Не здесь с рожденья знает каждый житель,
Что вдохновенье с пушкинских дорог
Нас приведёт в Печорскую обитель.

Александр СЕБЕЖАНИН

г. Псков

* * *

Который год на языке дождей
со мною разговаривает небо
о дивных странах, где я вовсе не был -
мне Русь моя милее и родней!

Над Кромом, над Псковой - дождей капели,
они иные, чем в других окру'гах
земли коснувшись, капельки округлы
становятся святой водой купели.

Дождём омывшись, как по волшебству,
седая Русь опять помолодела,
распахнутым просторам нет предела
и синь небес сочится сквозь листву!

СПЯЩАЯ КНЯЖНА

Княжна лежит в Гремячей башне,
Среди камней тревожно спит,
Всё ждёт, что молодец бесстрашный
Её от чар освободит.

Прочтёт Псалтырь, и бесов сонмы
Исчезнут, душу отпустив.
Но только мрак, где склеп высокий,
Среди холодных паутин.

Но нет пока достойной силы,
Чтоб разбудить заснувший прах,
И только катятся слезинки
Княжны рососою на камнях.

Лежит княжна в печальном склепе,
В тяжёлом мороке густом,
Всё ждёт спасителя.
И Неба.
Но только медлит древний Псков.

Томится каменное семя
Надежды чистые студя,
Когда всё между, между всеми,
Массовка есть, а нет вождя,

Который вышел бы открыто
Во всю отчаянную ширь,
Не фарисей, не франт, не мытарь,
А витязь, князь и богатырь!

В Гремячей башне мрак кромешный
И шорох тайны, и покой.
Мы все пока что только между.
Между Россией и собой.

Во власти чар и революций,
Где камни башни, словно щит,
О, как же хочется проснуться,
Пока Псалтырь ещё звучит.

ЗДРАВСТВУЙ, ГОРОД!

Здравствуй, город, я всё же приехал,
И, шагая средь прочих людей,
Небо вижу твоё без помехи
И улыбки твоих площадей.

На асфальте и лужи, и слякоть,
Дождь холодный с утра моросит,
Лишь под деревом снежная мяготь,
Не растаяв, пока что лежит.

Чуть промокнув, в толпе многоликой,
Ближе к кепке подняв воротник,
Выхожу я на берег Великой -
В ней живительной силы родник.

Снова вижу: до боли знакомы
Над гранитом её берегов
Грозных башен стальные шеломы,
И ажурные арки мостов.

Может где-то и серые будни,
Только здесь, будто юность храня,
Серость дней, разгоняя подспудно,
Вечный праздник в душе у меня.

Не хочу я себе иной доли:
Кроме той, чтобы в свод голубой,
Фразу-птицу отправить на волю:
- Здравствуй, город, я снова с тобой!

ВЕСНА В ПСКОВЕ

Псков потеплел, избавясь ото льда,
Великая рванулась, что есть силы,
Бурлива и темна её вода
И глубока, как будто край могилы.

Но вот с небес пронзает реку луч,
И озаряет чуть ли не до донца,
Прогнав затмение от серых туч
Вдруг отражает в водах силу солнца!

А Троицкий Собор из-за стены
Как бы слегка на цыпочки привставши,
Глядится в гладь зеркальную волны
И Пскову золочёной шапкой машет...

Анатолий ВЕРШИНСКИЙ

г. Раменское

УТРО У ПСКОВСКОГО КРОМА

Словно из-под шапки-невидимки,
что чуток мала для головы,
выступает из рассветной дымки
стрелка рек — Великой и Псковы.

Строго смотрят с узкого угора,
где смыкают русла две реки,
кряжистые башни вокруг собора,
как в льняных рубахах мужики.

Так на луг заутреннюю ранью
выходили некогда косцы.
Так, согласно древнему преданью,
шли на подвиг русские бойцы.

Во вселенском вековом раздрае,
где не знаешь, брат ли за спиной,
стены Пскова — на переднем крае.
Храмы Пскова блещут белизной...

СОН

У собора кот мурлыкал.
Доносилось из травы:
«Люди, выйдите к Великой!
Прогуляйтесь вдоль Псковы!
Потопчитесь по дорожкам,
Заведите разговор,
В новом парке, на Мирожке!
Хватит мучить монитор!»
Кот на солнышке грел тело...
Слогом чистым, как пиит,
Говорил, мол, знает деву,
Что под башней древней спит,
Что способен появляться
На мостах, (такая блажь)
Заставляя всех влюбляться,
То друг в дружку, то в пейзаж!
Вдруг проснулся я и вижу,
Сквозь туман потёртых глаз:
Кот идёт ко мне всё ближе,
Только он не кот, а барс.
Что-то ввысь его позвало,
Он подпрыгнул, будь здоров!
И исчез, как ни бывало,
В позолоте куполов.
Плыли солнечные блики
По размаянной Пскове.
Я прошёлся до Великой.
Сон крутился в голове.
Мне казалось, то ль от зноя,
То ль от запахов речных,
Рыжий барс следит за мною,
Из-за башенок резных.

ЗА СКОБАРЯ!

Ты в сердцах назвал меня - скобаркой -
С жаждою обидеть... Только знай:
Нет молве желаннее подарка,
Чем в судьбе звучащий Псковский край!

Чем просторы гордого Довмонта
И закаты цвета янтаря.
Где царь Петр, в пораженьи с фронта,
Пушки лил из бронзы. У Кремля

Прах веков лежит на светлых стенах,
По границам вновь ведя дозор.
Примиряет грешных и блаженных
Златоглавый Троицкий собор

В месте, где сошлись лучи троично.
По крещенью - праздничный елѣй,
Град Небесный - Псков - во всѣм величье
Домом Бога признан у людей.

Сам того не ведая, признаьем,
Объяснил, что я живу в родстве
С теми, кто в сражениях бескрайних
Устоял во лжи и хвастовстве.

И теперь, как снадобится сила,
Отстоят достоинство страны
Кровью предков, в их текущей жилах,
Доблестные псковские сыны.

Слышишь пыл и гомон у Великой,
Водами вбирающей Пскову?
Станут скоро девки любых кликать,
Только я с собой не позову

Впредь тебя. Не зря назвал скобаркой -
Град мой ждѣт, с реки встаѣт заря.
Статься, будет лето нынче жарким -
Замуж я пойду... За скобаря!

ПСКОВ

...Пс-с-с-ков...Пс-с-с-ков...Пс-с-с-ков...
...Дуновение ветра времени...
...Вы слышите?..

Раскинул седину
Стен и башен Крома
На слиянии Великой и Псковы.
И золотой купол Троицкого собора –
Символ-цветок извечной любви
Святой Ольги к родной земле.
Под ним течёт будничная,
Размеренная жизнь псковичей.
Незримыми каплями, время
Продавливает души людей
Сквозь сито лет, складывает
Из их судеб историю древнего
Города. И чтобы постичь его суть,
Всмотритесь в бегущие волны
Великой, Псковы, дотроньтесь
До тверди крепостной кладки,
Помнящей славу Александра Невского,
Довмонта-Тимофея, тысяч простых
Защитников и строителей
Порубежного града.
Поднимите глаза к высотам
Голубиных небес, где заветной
Любовью сияет золотой цветок
Святой княгини.

...Вы слышите?..
...Дуновение ветра времени...
...Пс-с-с-ков...Пс-с-с-ков...Пс-с-с-ков...

ДИВНЫЙ ГРАД

городу Пскову посвящается

Храмов древних возвышенные уста
Переводят в звоны Небесный глас -
Белый голубь-град на плече Христа
Жемчуга рассыпал свои для нас.

Не вотще, не мечет кому абы,
Достигает наших кромешных душ
И порой меняет абрис судьбы,
И насквозь пронзает неверья глушь...

Где Пскова к Великой стремится влёт,
Там высокой благости – черпай впрок.
Дивный град легендой в веках живёт,
Принимая души в святой чертог.

Уезжаю – слёз не стыжусь в глазах.
Буду помнить! Буду стремиться вновь
Под твои старинные образа,
Чтоб полней Господнюю внять любовь.

ПСКОВСКАЯ СОЛОДЁЖНЯ

А там был бал! Дышали жарко печи,
Гулял по ярким залам маскарад.
Радушен был хозяин в этот вечер.
Лишь век назад... Лишь жизнь одну назад.

В Застенье, у тюремного острога,
Хранившая припасы и дары,
Седая Солодёжня с верой в бога
Несёт свой крест до нынешней поры.

Обрушено крыльцо. Ступени рваны.
«Вратарница» над входом не видна.
Растёт бурьян. Бродяги бьют стаканы
О пол кирпичный... Мрачен свод окна.

Но солнца луч заглянет на закате,
И вспомнится – привидится! – пустяк:
Мелькнёт в дверном проёме чьё-то платье:
Осколок жизни – белый известняк.

Галина ЩЕРБОВА

г. Москва

УСТЬЕ ПСКОВЫ

Стать собора с пятиглавой кроной
юбкой плиссированной метёт,
и по кругу держит оборону
длиннорукий грозный хоровод.
Церковушки светятся побелкой,
крепкие, как белые грибы.
А в реке Великой, да не мелкой,
смокли вражи латы и гербы,
православных витязей шеломы,
каска невернувшихся солдат.
Волн неисчислимыя изломы -
блеск забывающихся дат.
Тут живыми линиями фронта
Рюриковичей огонь течёт.
Тут литовец отблеском Довмонта
голову склонил мне на плечо.

Олеся СОЛОВЬЁВА

г. Псков

МОЙ ГОРОД

Этот древний город твой и мой.
Ровно тысячу и сто лет
Льет над русскою святой землей
Православных куполов свет.

Тихи улицы его в дождь,
Белы улицы его в снег
И светлы, когда весну ждешь,
На берегах у голубых рек.

И седой, и вечно молодой
Город-воин, город-оберег
По-над реками, Великой и Псковой,
В даль плывет, в свой золотой век.

СЕМЬ СОТЕН СНЕГОВ

*«Того же лета псковичи сожогша 12 жонке вещей»
Вторая Псковская летопись, 1411 г.*

Изборские травы вбирали лучи,
А дева босая в сорочице белой
Росой умывалась и шла на ключи,
Воды наливала и с птицами пела.

Изборские травы роптали в ночи,
А женщина в красной с шитьем поволоке
Срывала их с корнем, несла на ключи,
При свете луны омывала в потоке.

Во Пскове на берег Великой-реки
У стен крепостных, за причалами сразу,
Солому и бревна везли мужики –
Священным огнем успокоить заразу.

Двенадцать ведуний и жен-повитух
Взошли на костер вековых суеверий.
Огонь, разгоревшийся было, потух.
Толпа – клокотала, шипела, ревела.

Раздули огонь, он коснулся небес.
Мольбы и стенанья, горящие платья.
Лишь ведьма – одна из двенадцати здесь,
Бесслёзно и злобно метала проклятья.

Зараза с тех пор бушевала сильней –
От смерти злодейством нельзя откупиться.
Но люди, испив от Словенских ключей,
Могли будто сил и здоровья напиться.

И старец-отшельник печерский сказал:
Двенадцать ключей – это Божия милость,
Двенадцать Апостолов молят в слезах,
Чтоб вера и наша земля сохранилась.

Весна растопила семь сотен снегов.
Не быть переправе на проклятом месте,
Но строит мосты добродетельный Псков,
И молится Богу и детушек крестит.

* * *

Милому Пскову с любовью великой

Я оставила сердце во Пскове. Нет-нет, не забыла,
Не приходится каяться мне и вздыхать поминутно:
Я его на прощанье в ладони твои положила,
В тот же миг ощутив, что ему там тепло и уютно.

Пусть гостит ретивое в надёжных, заботливых дланях.
Проскрипят холода, и капли распляшутся снова.
Зааукуют мне поезда и в дорогу помянут,
Перестуком колёс утверждая – «До Пскова! До Пскова!»

Мчись, мой поезд! Пронзая леса, стрекочи над равниной.
Все попутчики спят, я одна в нетерпенье бессонном.
И покажется мне самой лучшей на свете картиной
Старый псковский вокзал, обрамлённый
ОКОШКОМ вагонным.

Здесь особая аура, храмов могучая рать.
Здесь родные глаза и ладони, которые славлю.
Если мне и захочется сердце обратно забрать,
То взамен, непременно, влюблённую душу оставлю...

* * *

Краткие встречи, длинные проводы...
В тёмные воды сентябрьской Псковы
Старые башни Окольного города
падают, неба глотнув синевы.

Долгие проводы, краткие встречи...
Просит душа, умоляет не мчать
Время, которое губит и лечит,
Ясли судьбы продолжая качать.

Долгие проводы. Лёгкая морось...
Пригоршней - солнце - от лета привет...
День убывающий, встреченный порознь...
Ночь, как надежда, что скоро рассвет...

НА РЕКЕ ПСКОВЕ

Пожалеешь порой себя раз-другой
да забудешься сном на раз-два-три,
до того, как изогнется яркой дугой
исчезающий сполох ночной зари.

А наутро все тот же круговорот
непонятно кому так нужных дел...
И опять не увидишь, как небосвод
распахнет для вечерней службы придел,

Как дитя улыбнется, мамин напев
Распознав... Как рука в руке
Не спеша, спустится по тропе
Пожилая пара к реке...

ВЕЛИКАЯ ГОЛУБИЗНА

*Памяти псковских героев-десантников
всех героев-десантников, погибших в Чечне*

Опять с экранов голубых
про «голубых» в московских туалетах...
Прости, любимый цвет:
похоже, что, двусмысленно кривясь,
моя страна сошла с ума, «поголубев» и поглупев на треть.
Но рота ангелов её спускается с небес, вся в голубых беретах,
Чтоб снова за неё кровь юную пролить и честно умереть.

Они, найдя места, где год назад легли их бранные останки,
И снова бой приняв,
поймут, что снова им не суждено дожить до завтрашнего дня:
По высоте 776 свои же пушки бьют, свои же танки, —
То командир в эфир в отчаянье кричит:
«Окружены — огонь на нас! Огня прошу! Огня!!!»

Зачем же им, уже святым, вновь пачкаться
о наши мерзкие дела мирские,
Зачем же им вновь эти, Богом проклятые, горы и леса?
Но ни один из них не скажет: «Наша хата с краю — мы пскопские!..»,
А скажет: «Кто — если не мы?!»,
погладит голубой берет, посмотрит в голубые небеса.

И вспомнит вечер голубой,
и лес другой — родной, весь голубой,
заросший голубою ежевикой —
Девчонку в платье голубом:
голубоглазый лик её, и взгляд её, тревожно-голубой,
И домик голубой над голубой водой реки Великой
В прекрасной их стране,
в несчастной их стране,
в стране, ещё вчера, казалось бы, с такою же, как их,
Великою судьбою...

*1 марта 2001 года,
в годовщину гибели псковских десантников*

СОДЕРЖАНИЕ

Вспоминая "Словесное поле - 2017"	3
Василий РЫСЕНКОВ	
Накануне.....	4
1917 (2 марта по старому стилю)	4
1920.....	5
1991.....	6
Никто не забыт?.....	6
<i>"В самой гиблой деревне мы купим в сельпо ананас..."</i>	7
Светлана РАЗМЫСЛОВИЧ	
<i>"Девяносто восемь - до Цхинвала..."</i>	8
Самовары Сталина.....	9
<i>"У Михайлова Погоста..."</i>	10
Наталья ЛАВРЕЦОВА	
На древнем погосте.....	11
Сергей ПОДОЛЬСКИЙ	
Забитая усадьба	12
Русское поле.....	13
Анатолий ВЕРШИНСКИЙ	
Держава.....	14
Александр Ярославович Невский и его брат Андрей на пути в Орду.....	15
Легенда об Искандере, князе урусов ..	16
Ирина ПЕРШИНА	
Половчанка.....	17
Андрей КАНАВЩИКОВ	
Захаб	18
Матушка-Русь.....	19
Олег ДОРОГАНЬ	
Владимир Креститель	20
<i>"Я емь язык славяно-русский..."</i>	20
Одигитрии	22
Юлия ЛИНДЕ	
Двадцать второе июня	23
Вера ГРИБНИКОВА	
В июне сорок первого	24
Пропавший без вести	25
Вера СУХАНОВА	
<i>Над Черноморским побережьем</i>	26
Старая башня	26
<i>"Клочковатая тавола в росах навалгла..."</i>	27
Наталья ПУНЖИНА	
В День Победы.....	28
<i>"Что снилось на войне вам, шурави..."</i> ..	28
Утоли моя печали	29
Юрий ИШКОВ	
<i>"Я России моей - мгновение..."</i>	30
Фронтвик	31

Саша ИРБЕ	
Трувор	32
Я знаю мало что о той войне	33
Олег СЕШКО	
<i>"Пыльные стены комнат вокруг щелей..."</i> ..	34
Настя	34
<i>"Стоптанные башмаки Антонио Амеди..."</i> ..	35
Валерий САВОСТЬЯНОВ	
Щепоть соли.....	36
Река Воронка.....	37
Иван ИВАНОВ	
Солдатам первой мировой	38
<i>"Мировоззрений – два..."</i>	38
Любовь СТАРШИНОВА	
Слепнёво	40
Весенняя песня	40
Картина из музея	41
Ольга ВЕРБИНА	
Военная история	42
Майская поездка в город	43
Татьяна МИХАЙЛОВА	
Раненое безмолвие	44
Восхождение к славе	45
Светлана КОНЕВА	
Неизвестная война	46
Метроном.....	46
2014. Тень	47
Владимир САВИНОВ	
Не забывайте о Донбассе	48
Письмо жителю Украины в день рождения Л.Н.Толстого	49
Валентина БЕЛЯЕВА	
Ночь перед казнью	50
Новороссия	51
Солдат Второй Мировой	52
Надежда КАМЯНЧУК	
Инвалидам Великой войны	53
Эй, Земля!.....	53
Сергей ПОЛЕЖАЕВ	
Белый Городок	54
Городища	55
Городок	55
Елена КРИКЛИВЕЦ	
<i>"Обрывается след..."</i>	56
<i>"Поутру на попутке собравшись отчалить..."</i>	56
<i>"Это запах весны? Это гари и засухи запах..."</i>	57

Зинаида ВАРЛЫГИНА	
Век серебряный.....	58
Людмила ТЕМЧИНА	
Огненные сны	61
Галина ЩЕРБОВА	
Македонский фронт	62
Углич	62
Вдоль Северной Двины.....	63
Елена ФИЛИПОВА	
Голдовник Магнус, принц датский	64
Ханская ула	65
Светлана БЕЛИЧЕНКО	
Екатерине II	66
Екатерине Воронцовой-Дашковой.....	66
Андрей КРАДЕНОВ	
Государь.....	67
Ольга ТОБОЛЕНСКАЯ	
Зуи.....	68
Камеристка.....	69
Олеся БАЛАКИРЕВА	
"Моя деревня - скит березовый..."	70
Любимый уголок души.....	70
Игорь Плохов	
"Бушует пламя в печке..."	71
Гроза в городе	71
Олег АЛЕКСЕЕВ	
Псковские озёра	72
Любимому городу	72
Словенские ключи	73
Владимир ПАВЛОВ	
За Россию!	74
Андрей ТЕДДЕР	
"Мой город спит под плач метели..." ..	75;
"Не Рязаничина, не Смоленщина..." ..	75
Александр КОЗЛОВ	
На ярмарке Рождественской	76
Ну что за чудо!.....	76
Гармошка.....	77
Тамара СОЛОВЬЁВА	
Я вчера был.....	78
Имя - Победа.....	78
Ларина ФЕДОТОВА	
Причастность.....	79
Здесь и там	79
Сева ГУРЕВИЧ	
"Приснилось мне, что умершую мать..." ..	80
"Четвёркой месяцев уже подзапрялось..." ..	80
"В мире холодном, во власти гармонии..." ..	81
Александр ПЕТРОВ	
"Угол крашенный, угол красный..."	82
"Мой город замолчал, с натугой..."	82
"И рубит, под самый кадык..."	82
"И всем бы так, смотреть на этот город..." ..	83
Дина ДАБРИШЮТЕ	
"Между умыслов прошлого и происков настоящего..." ..	84
"Восхищенная птица сидит на холодной скамье..." ..	84
Дарья ИЛЬГОВА	
"Троекратно ура, в воздух летят монеты..." ..	85
"И мысль моя грешна..." ..	85
Василиса КРАВЧЕНКО	
"Я был бы очень сварливым дедом..." ..	86
Кому-то о чём-то	86
Фильмы	87
Артур ГАЙДУК	
Иосиф	88
"И день чужой, и год чужой, и век..." ..	89
Николай РАССАДИН	
Два века.....	90
Карфаген и Троя.....	90
Мой адмирал	91
Сергей ЕРОМИРЦЕВ	
Дом	92
Ирина ПОТАПОВА	
"По осколкам льда лег багровый след..." ..	93
Мария ПАРАМОНОВА	
К Пушкину. Гроза.....	94
Прозрение рискует опоздать.....	95
Татьяна ЛАПКО	
Каштан	96
"Когда ты в зеркало воды глядишь..." ..	96
Игорь ИСАЕВЪ	
"Если б встретился я с дедом..." ..	97
Надежда Савченко	97
Ирина ТЮНИНА	
Анне Ахматовой	98
Лето 1989.....	98
Бабушкина сказка	99
Вадим КОТОВ	
"Так много лирики в стихах..." ..	100;
"Небрежно расколотый красный кирпич..." ..	100
Александр СЕБЕЖАНИН	
И рука прочтёт руку.....	101

Владимир КОРОЛЁВ	
Сопромат судьбы	102
Светлана ПРЫЖКОВА	
Осень в Себеже	104
Игорь ГОРИЧ	
"Путей бывает больше двух..."	105
"Кому и что мы можем доказать..."	105
"О будущем заводят речь..."	105
Вера СЕРГЕЕВА	
Курганы.....	106
"Белый храм, белый свет, белый звон..."	106
"От вечернего снега сверкает дорога..."	107
Ольга КОЧНОВА	
Из цикла «Цикорий цветёл».....	108
Из цикла «Рыбинское море»	109
Лариса ЕГОРШИНА	
Мечта зовёт в Изборск	110
Княгиня Ольга	111
Ольга ФЛЯРКОВСКАЯ	
В госпитале.....	112
<i>Обители, озёра, тишина...</i>	112
У Словенских ключей	113
Виктория БУРЦЕВА	
Прощёное воскресенье.....	114
Земля Псковская	115
Андрей БЕНИАМИНОВ	
"Память засыпало пеплом..."	116
СТИХИ О ПСКОВЕ	
Гимн города Пскова	118
Лариса РАТИЧ	
Псковский Диптих.....	119
Ирина АЛЕКСЕЕВА	
Песня о вечевом колоколе.....	120
Сергей ПОЛЕЖАЕВ	
Псков	121
Ольга ФЛЯРКОВСКАЯ	
Псков-Москва.....	122
Николай РАССАДИН	
Пскова.....	123
Ольга КОЧНОВА	
"Была Пскова черней, чем смоль..."	124
Нинель ЕЛИСЕЕВА	
Город и я	125
Владимир САВИНОВ	
Поклон Святому князю Довмонту-Тимофею.....	126
Виктория БУРЦЕВА	
Равноапостольная	127
Юлия ЛИНДЕ	
Князь Александр	128
Игорь Горич	
Псков.....	129
Лариса ЕГОРШИНА	
ВИД НА ПСКОВ	130
Татьяна РОССОХИНА	
Псков.....	131
Людмила ТЕМЧИНА	
Псковщина.....	132
Анастасия САМОФРАЛИЙСКАЯ	
Псков (диалогия)	133
Ларина ФЕДОТОВА	
Исконный дом.....	135
Александр СЕБЕЖАНИН	
<i>Который год на языке дождей</i>	135
Спящая княжна	136
Александр КОЗЛОВ	
Здравствуй, город!.....	137
Ирина ЯНЕНСОН	
Весна в Пскове	138
Анатолий ВЕРШИНСКИЙ	
Утро у псковского Крома	138
Олег АЛЕКСЕЕВ	
Сон	139
Светлана РАЗМЫСЛОВИЧ	
За скобаря!	140
Владимир ПАВЛОВ	
Псков.....	141
Светлана КОНЕВА	
Дивный град.....	142
Любовь СТАРШИНОВА	
Псковская Солодёжня.....	143
Галина ЩЕРБОВА	
Устье Псковы	144
Олеся СОЛОВЬЁВА	
Мой город	144
Мария ПАРАМОНОВА	
Семь сотен снегов.....	145
Вера ГРИБНИКОВА	
"Я оставила сердце во Пскове..."	146
Вита ПШЕНИЧНАЯ	
"Краткие встречи, долгие проводы..."	147
На реке Пскове.....	147
Валерий САВОСТЬЯНОВ	
Великая голубизна.....	148

ПСКОВСКИЙ
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ПОРТАЛ

<http://pskovpisatel.ru>

СЛОВЕНСКОЕ ПОЛЕ - 2017

Стихи

Подписано в печать 00.11.2017. Формат 60x90/16.
Бумага писчая. Печать офсетная. Объем 9,5 п. л.
Заказ 856. Тираж 400 экз.

Отпечатано в ГППО «Псковская областная типография»
180004, г. Псков, ул. Ротная, 34